

Превосходный конь Бечкан

Повесть

Нальбий Куек

Всей статью и каждым участком своего тела Бечкан напоминал мать: шея оленья, грудь широкая, спина с ровным изящным изгибом, круп достаточно выраженный, свободно висящий длинный и густой хвост, круглые маленькие копыта, словно вонзенные в землю. Первое, что запоминалось при взгляде на него — это затаенная в прекрасном теле сила, которая с упругой стремительностью может сорвать его с места и унести прочь.

Бечкан знал, что он красивый. Впервые он подумал об этом, когда ему исполнилось два года.

Когда летний дождик начался, мать Бечкана заволновалась, посмотрела в его сторону, громко всхрипнула, тряхнула гривой, ровной волной стекающей по правую сторону шеи, и спокойно направилась к деревьям на краю поляны, на ходу продолжая выщипывать сочную траву. Бечкан знал, что означает поведение матери, он должен был последовать за ней.

Налетевший ветерок донес до нее разнообразные запахи из леса, в которых он различил и горячие потоки от каменистых склонов берегов близко протекающей речки. От этих запахов, от усиливающегося ветра и глухо зашумевшего леса затрепетали черные ноздри Бечкана, наострились уши и вздрогнули, и напряглись мышцы тела. Бечкан стоял в густой траве, высоко держа голову и глядя вслед матери. Абекуш остановилась и тихо заржала. В этом спокойном голосе не было ни страха, ни тревоги, просто мать звала своего ребенка, зная, что он по привычке подбежит к ней и встанет рядом, бок о бок.

Но Бечкан не тронулся с места. Дождь полил всюду, исчезли запахи, ветер умчался в лес. Слышен был только веселый звонкий звук дождя, теплого и приятного.

Бечкан впервые так четко ощутил себя всего. Он был частью этой нахлынувшей воды, легкого движения воздуха вокруг него, оживших и засверкавших трав и от всего этого что-то приятное и возбуждающее возникало в нем. Он с нежностью ощущал себя, когда порывистые дуновения воздуха охватывали его красивую точеную голову, стекали по шее, шевеля гривой, и расширяясь по гладкой спине, разбегались по всему телу.

Эти запахи и звуки, теплый, звенящий дождь и мягкие, упругие порывы порхающего воздуха сорвали с места Бечкана. Он встряхивал гривой, резко выгибал шею и чувствовал, как сзади волнуются высокие травы, с которых его копыта сбивали серебристые капли, через проемы быстро тающих туч прорвались лучи солнца, пробежались золотой россыпью по ближним деревьям, догнали Бечкана, заиграли на его гриве и мокрой шерсти, звуки копыт, приглушенные влажной почвой, то отставали, то снова догоняли резвящееся молодое животное. Вот Бечкан остановился, как вкопанный, и все вокруг него тоже остановилось и замерло: и лучи солнца, и травы, и звуки, и запахи, снова появились тени. Он стоит, словно проверяя мир вокруг себя и играя с ним, и как бы примериваясь к нему. Да, мир и в неподвижности своей полон звуков, движения, запахов, цветов и света и можно все это запомнить и узнавать в любое время. Бечкан всхрапнул и тихо заржал, эти звуки тоже свободно влились в воздух и травы, он видел все и ничто не казалось ему чужим и не вызывало в нем неприятия или сомнения.

Бечкан снова поскакал по поляне, осыпая грудь, шею и живот солнечными брызгами, кружил, пробежал мимо своей матери, словно не замечая ее. Внезапно дождь усилился, вспыхнула молния, раздавшийся резкий протяжный грохот заставил его остановиться, все мышцы напряглись в нем, как бы сходясь в единый комок где-то внутри него, ноздри широко раскрылись, уши напряглись, черные глаза округлились. Первый раз отдельно от матери он оказался один на один с этим грохотом, удалявшимся с глухим рычанием, но оставался и в нем, тихо угасая и заставляя волноваться его кровь. Но он тронулся с места. Быстротечный летний дождь кончился, небо прояснилось, послышался шум реки. Не оглядываясь, Бечкан почувствовал, что мать сама подходит к нему. Она легонько толкнула его мордой, став между ним и краем обрывистого берега, не замеченного Бечканом. Он послушно последовал за матерью. Через несколько минут шерсть на них стала высыхать и подниматься неровными клочками. Так бывает у породистых лошадей, они не красивы после дождя.

Впервые Бечкан впереди матери пересекал поляну, куда каждый день приходили все лето.

Вода успокаивает, лес тревожит. Река удлинняет мысли, заставляя следовать за своим бегом и приобщая тебя к своей, недоступной тебе открытой свободе и текучей энергии. В лесу какая-то смутно улавливаемая тревога постоянно висит над тобой. Лес не постоянен, звуки и голоса его, дыхание и движение воздуха, свет и тени в нем все время меняются незаметно для человека, не позволяя привыкнуть к нему до конца. Лес живет своей жизнью, человек видит только движения и слышит звуки, не в состоянии проникнуть дальше. Это мир, в который тыходишь, тотчас принимая его законы, в котором и дышишь, и слышишь уже по - другому, и мысли текут по - другому, и это значит, что ты незаметно для себя стал принаравливать к лесу и ходишь по нему, огибая кусты и деревья, мельком замечая движения теней, птиц и насекомых и тщетно пытаешься увидеть здесь все разом. Жизнь леса начинается в его корнях, а кто может увидеть их, а если и увидит, что он может понять?

Салих думал о лесе. Из восьмидесяти своих лет почти шестьдесят он прожил в лесу, многие звали его за глаза лесным человеком, он и сам знал, что ему в нем намного спокойнее и уютнее, чем с людьми. Но сегодня он находится здесь в последний раз, между ним и лесом возникло какое-то отчуждение и от этого ему неловко. Он уйдет навсегда, но разве от этого лес почувствует потерю? Так или иначе, мы все живем в лесу, он порождает нас, он и изгоняет из себя или забывает о нас, чтобы продолжать свою бесконечную жизнь с другими, меняется и расширяется в мире, но всегда остается лесом — большим, непонятным, не позволяющим взглянуть на свою суть.

Салих знал, что, потеряв лес, ничего равного ему уже никогда не приобретет, просто он уйдет, чтобы не стать бессловесным деревом, беспомощным кустиком или старым загнивающим пнем. Надо идти.

Салиху стало холодно под намокшим одеялом, он хотел сбросить его, но побоялся, что, если пошевелится, то последние остатки тепла уйдут вместе с ним. Надо что-то делать, подумал он, надо идти. Там, за рекой и перевалом, продолжается мир, найдется и ему где-нибудь пристанище.

Лес колыхался и двигался над ним с шумом и тяжелым дыханием, словно хотел освободиться от висящего над ним тяжелого бремени. А Салих сидел под

большим и высоким дубом, как выпавший из гнезда птенец, беспомощно вздрагивая от холода и сырости.

Абекуш

Салих оставил Абекуша на лесной поляне и отправился домой берегом реки. Абекуш должна была вскоре разродиться. Высокие развесистые вербы, перекинув свои тени через речку, томились от жары в ожидании, когда солнце уйдет и воздух начнет свежить. Салиху нравились эти места. Река здесь течет тихо, набирая глубину, под берегом искрится родничок, обнаруженный и ухоженный им самим. Салих присел в тени вербы и достал кисет. Свернул сигарку, высыпав табак на белый початочный лист, несколько раз ударил кресалом по кремнию, приложил к нему кусочек ваты, и, когда он задымил, прикурил от тлеющего уголка.

Ему нравились эти места, хотя аульчане избегали их. Здесь утонула девочка. Салих помнит, как мужчины взяв с собой в лодку петуха, искали ее труп. Старики говорили, что в том месте, где закричит петух, надо искать девочку. Но петух угрюмо молчал, багры натыкались на коряги и гнилые стволы, а труп найти не удавалось. Салих вошел в воду в одежде, долго нырял, ощупывая дно руками, изрядно замерз. Часа через два он остался один. Вот кислица — дерево, с которого упала одна из трех девочек, которые пришли за кислицей. Это было единственное дерево в лесу с необычно сладкими плодами, все в ауле знали об этом, но никто не собирал с него все плоды сразу, чтобы все желающие могли полакомиться. Вот с этого дерева и упала девочка, здесь вода тихая, но глубокая, надо искать под деревом. Салих нырнул еще раз и совсем не испугался, когда дотронулся до человеческого лица. Он тотчас же вынырнул, набрал полную грудь воздуха, снова опустился на дно, взял девочку под мышки и вынырнул наверх, вынес на берег и опустил на траву, отвел от ее лица мокрые волосы. Девочка была как живая, словно не успела почувствовать смерть, только голова была неестественно повернута набок и несколько длинных зеленых стеблей были зажаты в намертво сжатом кулачке правой руки.

На второй день Салих снова вернулся к этому месту, долго сидел под кислицей, вспоминая девочку, неестественно повернутую голову и бледный

кулачок. Потом чуть выше кромки воды увидел стекающие со склона берега капли воды. Здесь он и вырыл родничок, подождал, пока вода станет чистой и отпил — она была холодной и сладкой. Сюда уже никто не ходит, только он один иногда посещает это место.

Донеслось ржание Абекуша и Салих уловил в его голосе что-то тревожное. Он представил себе высоко вздернутую голову лошади и дрожание его расширенных ноздрей. Еще не вспомнив, что он стреножил ее, подумал, что так, отрывисто, громко и с храпом, она может ржать, только когда очень испуганна. Салих заторопился назад к абекушу: в ее чреве дитя, ей нельзя нервничать.

На поляне металась Абекуш, стреноженная и беспомощная, к ней пытались подобраться двое мужчин, один норовил попасть в нее прикладом винтовки, другой пытался достать ее большой сухой веткой. «Аллах да не покарает меня, что они делают, разве они не видят, что в ее чреве дитя!» — чуть не вскрикнул Салих. Испуганное животное громко всхрапывало и ржало, и кидалось из стороны в сторону, пытаясь держаться к мужчинам вперед головой, чтобы удары не пришлись по ее животу.

— Перестаньте!.. Вы что, с ума сошли, что ли! — сказал им Салих, становясь между абекушем и ими.

— Ы? — удивленно посмотрел, на неожиданно возникшего перед ними Салиха мужчина с винтовкой.— Ты кто? — сказал он, направляя на него винтовку.

— С ума сошли, что ли! Зачем вы пристаёте к ней? — Салих подошел к абекушу, потрепал ее по шее, издавая какие-то звуки, с раскрытым ртом.— Чего вы хотите? — Успокаиваясь, внимательно взгляделся в лица мужчин.— Хаджимос, ты, что ли? — обратился он к мужчине с большой веткой. Он узнал его, несколько раз видел в старой скрипучей телеге, всегда сонного, с худыми грязными лошадьми. Второго он не знал.

— Хаджимос, ты что делаешь, ты же работал на лошадях!

— Откуда ты меня знаешь, старик? — он был в рваных сапогах, старой вылинявшей кепке, и рубаха и брюки на нем были тоже рваные и грязные.

— Знаю, — ответил Салих.

— Если знаешь, тогда еще лучше. Мы партизаны. Эта старая кляча тебе больше не пригодится, или сама сдохнет, или волки задерут. Мы хотим поймать ее и зарезать... Ты что там делаешь, а?

Салих, который почувствовал недоброе, пытался распутать путы на ногах Абекуша и успел уже наполовину развязать их.

— Ты брось это делать! Если животное собираются зарезать, его связывают, а ты развязываешь. Отойди от коня!

Мужчины подошли к Салиху.

— Дай сюда уздечку, старик. Хизир, последи за ним.

Второй, которого назвали Хизиром, направил на него винтовку.

— Спокойно старик,— сказал он, обнажая желтые зубы.— Делай, что говорят.

Хаджимос стоял, почесывая в заросшей бороде, раскрыв рот и выдвинув нижнюю челюсть. Что он замышляет?

— Покурить есть? — спросил он неожиданно.

— Что? — не понял Салих.

— Хизир,— продолжал тот, не оборачиваясь,— привяжи коня... Я спрашиваю, покурить есть? — повернулся он к Салиху.

Салих топорливо сунул руку в карман. «Аллах меня не покарает, как они испугали меня, мы же адыги... разве так можно?» — думал он, доставая кисет. Хизир надел уздечку на абекуша и привязал ее к сухой ветке вербы. Хаджимос взял кисет, скрутил сигарку, прикурил, собрал обратно в кисет бумагу, табак и кресало опустил в свой карман. Он глубоко затягивался, широко раскрывал рот, полный густого белого дыма, который он, чуть приподнимая голову, заглатывал с шумом.

Хаджимос присел в тени вербы. Хизир опустился рядом с лошадьё, поставив винтовку между ног.

— Как вы испугали меня,— сказал Салих, которому тоже захотелось закурить, но он не знал, как выпросить обратно свой кисет.— Шесть месяцев, как беременна, она родилась от жеребца породы бечкан и кобылы породы абекуш. А теперь должна родить тоже от бечкана, того жеребца уже нет, нет в живых и ее матери. Я не говорю о колхозных, среди которых едва ли найдется

парочка из тех пород, но лошадь в колхозе — это уже колхозная порода, от настоящей в ней ничего не остается.

Салих никогда не был многословным, но сейчас чувствовал нутром, что надо что-то говорить. И все время оглядывался на абекуша, надо подойти к ней, она ждет этого.

— Старик, забудь об этой лошади,— сказал Хизир, выпуская через зубы дым.— Мы ее съедим, понял?

Хаджимос молчал, он курил, с равнодушным видом посматривая на Салиха.

— Слушай, парень, я же тебе говорю, что это не простая лошадь, ее род тянется из далеких столетий, ее надо сохранить, иначе вместе с ней навеки исчезнет интереснейшая порода! — Салих посмотрел по сторонам. Только сейчас он снова различил голоса птиц, уставших от дневной жары, и шум реки; ему вдруг показалось, что он один в лесу, и кто-то наблюдает за ним, а он не видит его. Посмотрел на мужчин, понял, что они не слушают его, похлопал себя по карману.— Да где же мой кисет?..

— Иди домой,— сказал Хаджимос.

— Пойду... если отдадите коня.

— Пойдем, Хизир, возьми под уздцы коня. Наши товарищи ждут нас, они голодные. Мы жизни своей не жалеем, воюем за родину, а он болтает про лошадь. Сумасшедший какой-то. Идет война, люди убивают друг друга, а ты, старик, прячешь тут свою поганую лошадь, дуралей старый! Хватит об этом, пошли, Хизир!.. Подожди!..

Послышались голоса, на краю поляны показались пожилой мужчина и мальчишка лет шести—семи. Салих обрадовался, он узнал мужчину из соседнего аула за рекой, кажется, работает пастухом, да, да, зовут его хромым Бечир, это на гражданской войне ему отстрелили ногу. Бечир, увидев незнакомых людей, остановился, но, узнав Салиха, подошел к ним. Пожал ему руку и протянул ее Хизиру, но тот с прищуром посмотрел на него и, не подавая руки, отбросил швырком обжигавшую ему пальцы сигарку. Бечир оглянулся на Хаджимосу, но тот сделал вид, что не замечает его, потом резко повернулся к нему, и с лица его исчезло ленивое равнодушие.

— Что тебя принесло сюда? Я спрашиваю: что тебе надо?

— Да вот пропал наш бычок, будь он неладен, вторые сутки нет его. Вот и ищем его с Саней... А вы?..

— Слышь, Бечир, моя лошадь скоро должна родить,— сказал Салих, потом повернулся к Хаджимосу.— Это хромой Бечир, наверное, знаете его, он пастух, из соседнего аула, а этот пацан с войны, остался без родителей, вот Бечир и взял его к себе в сыновья, своих детей у него нет.

— Замолчи, старик! — зло сказал Хизир.— А ты, хромой Бечир, зря ищешь своего бычка, он уже здесь, в моем желудке,— засмеялся он отрывисто, хлопая себя по животу. Мы партизаны, так что твой худющий бычок уже участвует в войне. Ты же знаешь, что мы партизаны?

Хаджимос смотрел не отрываясь на мальчонку и почесывал свою бороду, выставив вперед нижнюю челюсть.

— Салих,— сказал он,— ты уходи отсюда. Хизир, дай сюда винтовку. Убирайся отсюда, старый дурак!

Салих понял, что сейчас может совершиться какая-то жестокость. Он не чувствовал страха, его сковало предчувствие- он станет свидетелем какого-то позора, от этого ему стыдно и этот стыд расслабил его тело.

— Он узнал нас,— тихо сказал Хаджимос Хизиру.— Когда мы погнали корову из колхозного сада, это он стрелял в нас.— Он снова повернулся к Бечиру.— Ты нас знаешь?

— Да откуда мне вас знать,— ответил Бечир, стараясь говорить спокойно.— Он подошел к мальчику, неловко волоча за собой деревянную ногу.— Говорите, что партизаны...

— Пойдем,— сказал и мальчонка, которому уже передалось состояние Бечира, голос которого еле заметно дрожал.

— Ну, мы пойдем, наверное. Увидимся еще, может быть.— Он взял мальчика за руку.

— Подождите! — резко сказал Хаджимос тихим, как бы охрипшим голосом.— Никуда ты не пойдешь!

— Салих, чего они хотят от нас, а? Саня, сынок, ты иди, иди, я потом... Мы тут еще поговорим. Иди же!

Саня с побледневшим лицом вцепился руками в рубашку Бечира.

— Мы тебя убьем,— сказал Хаджимос, и Хизир засмеялся изменившимся голосом, черты лица его вдруг сразу стали четкими и суровыми, зрачки глаз расширились. Он смотрел на Бечира немигающим взглядом.

Салих ничего не понимал. Тревога за абекуша и страшная своей неожиданностью и жестокостью развязка, которую он предчувствовал сердцем, сделала его беспомощным. Он все время хотел что-то сказать, но не знал, что и как.

А Бечир только сейчас понял до конца, что эти люди не шутят. Вот и второй вынул из кармана большой нож и раскрыл его дрожащими руками.

— Хотите убить, да? — сказал он тихо и спокойно, словно говорил не о себе и не об убийстве, похлопал себя по карманам, нащупывая кисет.— Да, я узнал вас, предатели!..— Последние слова он почти прошептал и уставился на них ненавидящим взглядом.— Вы не люди, вы не адыги! Но что я могу сделать, я беспомощен... Отпустите мальчонку, пусть он не видит, что вы звери. Русский мальчонка, но мой сын. Иди, Саня, домой иди!

Саня заплакал беззвучно, губы его искривились и задрожали, из голубых глазенок потекли слезы, он трясся худенькими плечиками и прижимался к Бечиру.

— Жалко, да? — Хаджимос изобразил на лице подобие улыбки.— А твой Бечир, он с трудом подбирает слова, путая русские с адыгейскими,— твой Бечир, да пусть его собака съест, когда сказал в НКВД, что мы сидим в лесу, ему нас было жалко? Будем убивай, и Бечира сволочь, и ты, поросенок. Хизир, возьми поросенок.

— Хорош мальчик, ходи сюда, поросенок,— он оторвал дрожащего мальчика от Бечира и бросил его на траву.— Смотри, твой батя убивай будем.

— Вы не люди, вы хуже зверей! — вскричал Бечир и выбросил здоровую ногу вперед. Тотчас раздался выстрел, и он упал. Шум крыльев вспорхнувших птиц перелетел через речку. Хизир повернул винтовку в сторону побледневшего до неузнаваемости мальчика и выстрелил, не целясь. Салих, ошеломленный происшедшим, молча смотрел на живой, стучащий ногами комочек, который упал перед ним. «Да что же вы делаете!?» — ему казалось, что он закричал, но он только застонал. Страшно застонал Салих, и, испуганный этим душераздирающим звуком громко заржала абекуш.

Секундная тишина, наступившая после двух выстрелов, была нарушена человеческим стоном и ржанием лошади. Абекуш встала на дыбы и, оседая, рванулась вперед, отломив от дерева сухую ветку, к которой была привязана и разорвала путы. Хизир в испуге только успел нагнуться, в следующее мгновение абекуш со страшной силой и всей своей тяжестью ударила его в хребет передними ногами. Раздался хруст и глухой стон. Почти одновременно с абекушем Салих бросился вперед. Хаджимос не ожидал никаких действий от старого человека и поэтому как-то неловко и медленно поднял винтовку, которую выронил Хизир. Но Салих не помнил себя, он вцепился в волосы Хаджимоса на голове, потом нащупал его горло и сжимал его изо всех сил. Почувствовав, что тело Хаджимоса обмякло и перестало сопротивляться, он с трудом разжал пальцы.

Мальчонка был жив. Он взял его на руки и принес в свой дом. Абекуш покорно шла за ним, иногда большими влажными губами притрагивалась к его плечу.

Утром он один похоронил убитых. Для хромого Бечира вырыл отдельную могилу.

Пуля прошла через плечо Сани, немного задев кость.

* * *

В эту ночь абекуш бодрствовала. Ей было шестнадцать лет, за эти годы она успела повидать всякое, но с таким столкнулась впервые. Она не могла понять, почему ее били эти двое мужчин. Она стала такой, какой хотел видеть ее Салих, и это удобно и ей, и Салиху. Правда, поначалу не все ей нравилось. Инстинкт подсказывал ей, что есть в ней что-то такое, что свойственно только ее организму, что она создана так, что можно жить со всем тем, что окружает ее, в полном согласии. Но она заставила себя привыкнуть к тому, чему учил ее Салих, теперь все это — с ней, и со всем этим она будет жить, потому что это было нужно Салиху, но теперь это нужно и ей. И все же в ней осталось что-то такое, что вызывает в ней сопротивление. Она стала слишком покорной. Скучно жить так, как того хочет Салих. Видя табун лошадей, издали, она примечала в них те черты, которые сама потеряла, принаравливаясь к Салиху.

В такие минуты она ощущала в теле легкую дрожь, ноздри ее начинали трепетать, мышцы напрягались. Нет, она не завидовала им, но ощущала в себе какую-то вину, не до конца осознанную ей самой.

В эту ночь абекуш бодрствовала. Она винила себя в том, что случилось, зная, что человек, на которого прыгнула, убит ею, но она только хотела помочь Салиху, потому что чувствовала, что происходит что-то такое, что не нравится ему. Это она поняла, когда застонал Салих. Абекуш никогда не слышала от него такого звука. Не в ее привычке было показывать внешне, что ей что-то не нравится. С тех пор, как она поняла Салиха, такое редко с ней случалось. Абекуш стала относиться к Салиху так, как к траве, воде, лесу и почти как к самой себе. Они научились понимать друг друга и хорошо знали, что будет приятно или что будет наиболее удобным, правильным для обоих. Все, что Салих делал для нее, делал как бы и для себя. Более того, он знал, что надо сначала сделать для абекуша, а потом уже для себя, он все же человек, знает лучше и больше о том, что ей нужно, а она вынуждена жить с людьми, и этим лишена каких-то данных ей Богом возможностей. Вот небо, солнце, травы, река, лес, все это должно быть со мной, все это должно быть с абекушем, точно так же мы должны быть вместе, и это так же бесспорно, как и то, что и она, и я существуем. Но абекуш впервые увидела Салиха таким, впервые услышала от него этот страшный, испугавший ее стон, это был даже не испуг, в этом звуке, заставившем ее ударить человека, было что-то жестокое, нечеловеческое, что казалось уже исчезнувшим в ней от общения с Салихом. Абекуш почувствовала, что Салих совершает нечто такое, что противно ему, но он же никогда не делал ничего такого, что было не хорошо для него и для нее, и это тоже вывело ее из равновесия. Да, именно это — жестокость и беспомощность. Теперь к ней вернулось ощущение, что и они могут быть жестокими и против своего желания, из-за собственного бессилия, совершить то, о чем потом будут жалеть. Абекуш не могла понять это до конца, это тяготило ее. Она знала, что Салих придет, и они вместе что-то поймут, ждала его, но не было готова к встрече.

В эту ночь не спал и Салих. Какое-то время его мысли были заняты мальчонкой. Но когда он обмыл его рану и перевязал, Саня заснул, и Салих понял, что все это время что-то другое тоже подспудно беспокоило его. Это

абекуш. Но он намеренно отогнал от себя мысли о ней и постарался вспомнить все события на поляне. Ему до сих пор не понятно, почему так поступили Хаджимос и Хизир. Он должен понять это, иначе во всем том, что он делал для абекуша и делал до того для ее родителей, было и остается что-то неправильное. Лошадь поняла, что происходит что-то не хорошее. И она поступила так, как подсказал ей ее разум. И она была права. Защищая меня, она защищала и себя, те люди хотели убить ее, они могли и со мной точно так же поступить, потому что как я мог позволить им убить абекуша? Появился Бечир с мальчиком, и они забыли обо мне. Спасая себя, они решили убить его и мальчика и не просто убить, а жестоко это сделать: это, по их мнению, должно было придать какой-то смысл в их поступке сначала пристрелить Бечира, чтобы мальчик видел, что его ждет, а потом уже прикончить и его. И собирались сделать это с какой-то не осознанной жестокостью. Таким образом убийство как бы приобрело какое-то правило, и этим оправдывался сам этот факт. Эта жестокость таилась в их сердцах и почти не осознавалась, они сами боялись ее вначале, а потом, поверив в свою «правоту», даже испытывали удовольствие. Неужели это так легко — убить человека? И если так легко убить человека, то чего стоит она — жизнь?

Мальчонка застонал. Салих подошел к нему и поправил подушку, с которой свесилась его беленькая головка. Он вспомнил, как, когда ощупывал раненое плечо, тот закричал, из-под задрожавших ресниц выкатились слезы, он сжался в комок, а потом весь вытянулся, словно выжимал из себя острую боль, рот открылся, обнажая два передних крупных зуба, и потерял сознание.

«Каждый день нас испытывает жизнь,— продолжал размышлять Салих.— Но становимся ли мы мудрее? Есть ли какой-то смысл в тяжелых ежедневных испытаниях? Говорят, у дерева столько же ветвей, сколько корней оно пускает под землей. А где корни человека? Если они есть, что их питает, почему легче сделать жестокость, чем доброе дело?.. Они убили Бечира, неужели труднее было понять его, чем убить? Потом уже он и сам убил, абекуш тоже убийца. И я, и абекуш правы, я так думаю, но мы же тоже убили... Они тоже хотели жить. Мы их убили, и вместе с ними должна была исчезнуть жестокость, несправедливость... Морозный ветер налетает на цветущее дерево и губит будущие плоды. Но почему? Что в людях, что в природе...»

Салих опять подумал о абекуше. И снова испытал стыд, стыд оттого, что она стала свидетелем случившегося на поляне. Люди думают, что животные мало что понимают, но если они что-то понимают, то до конца. Люди могут оправдать и самый позорный поступок, и будут стараться это сделать, пока своего не добьются. Лошадь на такое не способна.

Для животного что не хорошо, то нехорошо и никакие умные или хитрые подходы не докажут ему обратное. Это запоминается им и если и не сможет наказать за это, то все равно что-то убудет в нем, а значит и в человеке чего-то хорошего станет меньше.

Нехорошо получилось, лучше бы она не увидела, какими жестокими бывают люди. В ее чреве дитя. Как я теперь приду к нему? Правда, она ничем не показала, что недовольна мною, пожалела, или простила, по-своему поняв меня...

Когда Салих зашел в старый сарайчик, абекуш стояла на своем обычном месте, которое сама выбрала. В это время она обычно дремлет, но Салих увидел, что абекуш бодрствует. Салих никогда не проявлял к ней лишней ласки, лошадь — животное строгое и умное, надо просто вовремя и с доброй душой делать то, в чем она нуждается. Не обманывай ее, будь постоянным и верным в обращении.

Ничего не сказал Салих абекушу. Спина ее была влажной, низ живота тоже, беременность трудновато ей дается. Взял сухую тряпку и обтер влажные места. Потом накрыл ее мешковиной: к рассвету станет прохладно, в чреве у нее дитя.

Так всю ночь провел Салих: ухаживал за Саней, ходил с виноватым видом к абекушу. Ближе к утру подремал часок у изголовья мальчишки.

* * *

Хаджимос скачет на абекуше к реке, к тому месту, где растет сладкая кислица. Голова болтается на шее, словно не живая. «Я же его задушил!.. Или он ожил?..» Салих схватил винтовку и побежал за ним. «Отпусти лошадь, отпусти, стреляю!» Салих выстрелил, абекуш упала, заламывая под живот ноги. Хаджимос скатился с лошади и с громким стоном пополз к берегу реки, дополз

и скатился вниз. Салих побежал к абекушу, но на том месте, где она упала, стоит Хизир с белыми глазами, руки дрожат, он протягивает к Салиху его кисет: «Возьми, Салих, хороший табак... У меня закружилась голова, голодный я... И лошадь у тебя красивая, дай Аллах тебе хорошего жеребенка». «Хизир...» — хотел сказать Салих, но вот уже на его месте стоит хромой Бечир, в глазах слезы и голос дрожит: «Прости, Саня, сынок...» Внезапно раздался истошный крик с той стороны, где с берега скатился Хаджимос. Салих подошел к берегу. «Где родник? — кричит он и торопливо, раздирая пальцы в кровь, разгребает камушки.— Дай попить из твоего родника. Салих, дай попить! Здесь была вода, а сейчас пропала!..»

«Почему ты убил хромого Бечира, ы?» — спрашивает его Салих. «Он бы донес на нас!» «Но в чем он виноват?» «А разве убивают только виноватых, Салих? Идет большая война, убивают тысячи. Кто их спрашивает, виноваты они или нет? Ты родился — значит, уже виноват. Я был на войне, не выдержал, сбежал, не хочу умирать. Каждый раз, когда ты убиваешь, ты спасаешь себя от пули, потому что тебя все хотят убить. А ты меня из-за какой-то лошади!..» «Бечир, а мальчонка?» «Нет, ты задушил меня из-за лошади, скотина!.. Отдай винтовку!»

Хаджимос стал на четвереньках подниматься на берег, вместо зубов изо рта торчат клыки, пена показалась на губах. «И тебя убьют, и твою скотину!»

Вдруг за спиной Хаджимоса забурлил и забил фонтаном родник, взметая песок и камни, накатил на Хаджимоса, понес его вниз и укатил в реку, он выныривал, поднимал высоко руки, кричал, потом пропал.

Салих вздрогнул и проснулся. Было время сна собак, когда наступает полная тишина. Он вышел во двор, посмотрел в сторону сарая. Воздух начал наполняться влагой. В такой час ничего невозможно услышать, все звуки становятся безголосыми и неузнаваемыми. Земля смотрится в небо. Все как бы замирает — и травы, и воды, и камни, смотрят в небо и прислушиваются к себе. Луна вся исходит светом, но свет ее остается как бы в ней самой, не распространяясь вокруг и все предметы на земле недвижны и бездыханны. Через какое-то время, конец которого не уловим, незримая пелена, окутывающая землю, исчезнет, в небе что-то вздрогнет, пробуждая в нем его прежний облик, предметы начнут проступать четче, обозначая себя в

настоящем бледном свете. И уже можно будет уловить первые просыпающиеся звуки. Они начнутся в лесу, Салих уловит что-то похожее на шум крыльев большой невидимой птицы, почувствует на лице движение воздуха и ощутит ногами дыхание почвы. Солнце еще далеко, а земля уже чувствует его и готовится к нему.

Саня

Абекуш родила жеребенка, в тот день, когда Саня в первый раз поднялся на ноги. Солнце еще только стремилось к зениту, небольшая лужайка перед крыльцом дома Салиха, заросшая травой, свято сверкала, еще не утомленная жарой... Насытившаяся дождем, прошедшим прошлой ночью, земля нежилась под лучами солнца. Саня вышел на крыльцо. Свет был ярким и щедрым, воздух свеж и чист и целительное тепло всходило от неба. Он неуверенно потоптался на месте, схватился за подпорку веранды и присел, щурясь от яркого света, на глиняный пол. Он был истощен, волосы и лицо почти одинаково белого цвета, худые плечи четко обозначались под ветхой рубашкой.

Саня сидел со склоненной от слабости к плечу головой, когда услышал голос абекуша. Она не ржала, Саня слышал только тяжелый всхрап и еще какие-то отрывистые звуки, глухие, утробные, настораживающие. Показался Салих, приближавшийся со стороны сарая, стоявшего под кронами трех ветвистых деревьев. Он нес на руках, очень бережно, жеребенка. Жеребенок был очень слаб, он пытался поднять свою голову, которая каждый раз снова падала то к груди, то к плечам Салиха. Он вздергивал ногами, когда слышал страдальческий всхрап матери, слабо поднимал голову и снова ронял ее. Салих хотел опустить новорожденного на траву, но, увидев Саню, поднес ближе к нему и поставил перед ним. Одной рукой придерживая его за грудь, другой он выпрямил располагающиеся в стороны задние ножки жеребенка и отпустил его. Он был смешной, этот жеребенок. Ноги не слушались его, шея не держала голову, и все же он попытался сделать рывок вперед, прошел несколько шагов, поскользнулся на сухом месте, передние ноги расплзлись, задние подогнулись, и он упал, несколько раз пытался подняться, напрягался, выкатывая

большие черные глаза, и затих, склонив голову набок. Саня улыбнулся. Абекуш подошла к жеребенку и стала облизывать его.

Стоял яркий теплый день. Салих подошел к Сане и постоял немного, задумчиво глядя на него, потом присел рядом с ним. Посмотрел в небо поверх деревьев, Саня тоже поднял глаза по следу взгляда Салиха. Высоко в небе парил орел.

— Саня,— медленно и с растяжкой выговорил Салих,— тебя же так зовут? Чем выше поднимается птица в небо, тем выше становится и небо.— Салих смотрел на Саню, но Саня не видел себя в его глазах.— Будет расти этот жеребенок, вместе с ним будет расти и мир. Он будет взростеть и научится скакать быстро, чем быстрее он будет скакать, тем быстрее будет и земля скакать. Непонятно? И я многое не понимаю. Но ты сам подумай: не для себя же он будет скакать, ему и так Бог подарил эту способность.

Орел кружил в небе и поднимался все выше, теперь он виднелся черной точкой. «Ты можешь спросить: что он там нашел? Э-э, Саня, этого никто не знает, этого не знает и сама птица. У кого крылья, тот и стремится в высоту. Видишь, какое высокое небо? Чем выше птица, тем выше и небо, тем больше видим и мы. Вот этот жеребенок... Скоро он начнет бегать. Будет бегать, скакать, резвиться и все вокруг него тоже будет бегать, скакать и резвиться вместе с ним. Ты еще не видел такого, но, Бог даст, увидишь и даже больше меня поймешь... Видишь деревья? Когда они перестают расти, они начинают стареть. Если остановится речка, она превратится в болото и высохнет. Ну, а как же иначе?.. Я знаю лошадей, все породы адыгские знаю... Я думал — почему человеку приятно скакать на лошади? Никуда не торопишься, за тобой никто не гонится, а ты скачешь, хочешь все быстрее и быстрее. Почему? Что-то мы забываем на этой земле.

Саня спит, склонив голову к плечу Салиха, худенькое его тельце расслабилось и сникло. Салих уловил мальчишеский потный запах и подумал: надо его выкупать. Он взял его в охапку и унес в дом.

Абекуш стоит над своим ребенком. Солнце стремится к зениту. Шум реки ослаб, деревья сникли от жары и стали ниже. Такой час: солнце уже не ласкает землю, жарко, знойно, свет не удлиняет взгляда, а томит глаза, жар завладевает воздухом. Небо не дает смотреть на себя, оно словно усыпано невидимыми

огненными иголками. И звуки стали тяжелыми. Листья на деревьях обмякли, и висят словно, чуждаясь друг друга, каждый особняком и безжизненно. Летний полдень смотрит из нор,— думает Салих. В такое время никакая работа не обернется добром. Окуни руку в воду — она как мертвая, дотронься до дерева — душа его ушла в корни, ничто не откликнется, и земля не примет твоих рук, в знойный полдень надо ждать, пока солнце и небо переселят самих себя.

День пришел к такому часу. В доме, где всего две комнаты, Салих задремал возле деревянной кровати, на которой лежит Саня и молча смотрит на него, и непонятно, о чем он думает. На все еще бледном его лице, у переносья, сдвинуты брови и между ними уже обозначилась не по возрасту четкая складка.

Саня думает о Салихе. Где-то в глубине души он чувствовал, что его жизнь теперь связана с этим человеком, но почему и как это будет происходить, он не знает. Он еще не осознал, что потерял Бечира, сердце и сознание его были притуплены происшедшей трагедией, ему еще предстояло заново обрести этот мир, почти уничтоженный в нем. Но уже сейчас что-то ему подсказывало, что с этим человеком, устало дремлющим перед ним, ему будет хорошо и надежно.

* * *

Земля первой почувствовала, что война приближается. Салих заметил, что птиц становится все больше, новые их стаи, привыкая к новым местам, шумно летают с одного места на другое, пугая друг друга. И еще какие-то звуки или шумы слышны, они неуловимы ухом — то ли это необычные движения воздуха, то ли какой-то гул, внезапно раздающийся из-под земли. Вот и абекуш иногда прядает ушами, резко вздернув голову, ищет взглядом жеребенка, тихо ржет, подзывая его или призывая к бдительности.

Поля опустели и смотрятся сиротливо. На окраине аула волки задрали теленка. Искусаки отбившуюся корову. Из дальних лесов стали наведываться кабаны, уничтожают не убранную кукурузу.

Салих достал свою старую одностволку, разобрал и обмазал маслом каждую деталь, подготовил заряды. Иногда выходит в лес и стреляет, отпугивая зверей. Но звери почувствовав наступившую для них свободу, не боятся небольшими стайками ночами появляться в самом ауле. Тот, кто заставил

зверей покинуть обжитые места, не лучше самого зверя, думал Салих бессонными ночами, ухаживая за Саней. Потом он отвел его к своей младшей сестре, живущей в ауле. «Ухаживай за ним,— сказал он ей,— плечо у него зажило, а сердечко еще не на месте...» Сестра все поняла, посмотрев внимательно на Саню. Он как бы отсутствовал в этом мире и не знал, где встать и на кого смотреть. Он чувствовал только Салиха. «Как тебя зовут, синеглазый? — спросила она его. «Саня». «Саня, так Саня... Садись вот сюда, я тебе сейчас дам кашу с молоком».

Салих ушел. Покидая двор сестры, оглянулся и увидел, что Саня стоит у окна и смотрит ему вслед. Он шел к своему дому, стоявшему на почтительном расстоянии от аула, ощущал тревогу за мальчика, но мысли его целиком были уже заняты лошадью. Они в запертом сарае, но, как говорится, Аллах бдительный, но и сам будь осторожным. В глубине леса он начал строить сарай, надо закончить, пока война не пришла в аул.

Лекур

Лекур за кустами вербы снял чувяки, закатал по колено заштопанные штанины и, присев на корточки, стал почесывать двумя руками икры ног. Потом присел в тени, ноги окунул в воду. Мелкие рыбешки с темными спинками и серебристыми боками сразу собрались вокруг пальцев ног, мягко тыкаясь мордочками о них. День клонился к вечеру, от реки стало веять прохладой. Лекур сцепил руки на затылке и прилег. «Я великан, мои ноги лежат в воде, спина перекрыла русло, плечи покоятся на стволах больших деревьев в лесу, а голова достает до облаков. Вот птицы садятся мне на грудь. Если пошевелюсь, вспорхнут птицы, заволнуется вода, обрушатся берега...»

Когда Лекур пошевелил одной ногой, нет-нет, не ногой, а самым маленьким пальцем, мизинцем левой ноги, вынырнули двухметровые сомы из глубин, темные, с длинными и толстыми усами, заволновалась вода, обрушиваясь на берега... К счастью, он пошевелил только мизинцем.

— Лекур!

— Косолапый!

— Кривоногий!

Звонкие голоса женщин докатились до слуха Лекура. Трудно было усомниться в том, что Лекур, неловко пристроившийся в кустах, с толстыми губами и меланхоличным лицом, на которое без страха садились зеленые мухи, насытившиеся на лепешках коровьего помета, является настоящим великаном, но эти женщины были колхозницами, табачницами, и, кроме председателя не признавали никаких великанов. «Чтобы холера взяла вас!» — сказал Лекур, испуганно вставая, увидел перед самым носом вынырнувшую из воды черную змею, быстро выбрал ноги из воды, замахал руками, что-то грозно пришептывая и бросился в воду.

— Лекур!.. Где ты, паршивец!.. — За этими словами последовали такие, от которых еще быстрее Лекур заработал в воде руками и ногами, что он не по годам толстобрюхий, что у него короткие ноги, что у мужчины не все должно быть коротким. Трудно повторить все, что они говорили, да и Лекур делал вид, что почти ничего не слышит. Он уже достиг противоположного берега и стоял у кромки воды весь мокрый, как петушонок, которого дождь застал врасплох, вымочил и осрамил на весь куриный двор.

— Ы, ы, ы! — сказал он, и сердясь, и негодуя, и жалостливо одновременно.— Идите, идите, все идите сюда, я вам все скажу!..— говорил он, не чувствуя, что выглядит смешно в мокрой заштопанной одежде, неловко прилипшей к его долговязой фигуре.— Успокоились? Тогда послушайте! Хачетль Гошехан!

— Тише! — крикнул кто-то из женщин на том берегу. Одни из них присели на траву, другие стоят с таяками на плечах или положив руки на них.

— Хачетль, говорю, Гошехан. За пять дней ты заработала два трудодня.

— Сколько, ты сказал?! Чтобы Аллах отнял у тебя язык! Чтобы...

— Гучетль Кокон, один трудодень и пять соток. Ты же всегда позже всех выходишь в поле.

— А кто будет кормить пять моих сирот, негодник?

— Заурим Кульсом! Один трудодень и шесть соток.

— Чтобы ты подавился трудоднями!

— Для кого ты жалеешь трудодни, Лекур? Для своего жирного председателя?

— Панеш Хазаб!

— Не произноси мое имя, бессовестный! Лучше выжми свои рваные брюки, или пришьем к тебе кого-нибудь из вдов, чтобы помочь тебе.

— Ы, ы, ы!..— устыдил их Лекур.— Вы же адыгские женщины!

— Подождите, замолчите,— поднялась с травы самая старшая из женщин.— Скажи, Лекур, почему ты записываешь наши трудодни неправильно? В прошлом году мы пропалывали этот же участок и тогда ты записал нам трудодней в два раза больше. Почему ты так поступаешь?

— Да что вы за люди! — начал сердито Лекур, сделал паузу и мягко спросил: — Забитхан, ты-то должна понять меня, разве я могу писать столько, сколько надо?

— А что ты можешь, а? Если ты не можешь правильно записывать, брось это дело.

— Опять ты не понимаешь! Я могу записывать столько, сколько мне скажут. Теперь понятно?

Женщины еще больше заволновались. Кое-кто из них стал трясти тляпкой.

— Ничего, мы тебя поймем как-нибудь!

— Мы приведем председателя, и ты повторишь нам эти слова!

— Я сейчас приведу его к вам.— Газаб, с высушенным и морщинистым лицом, приподняла подол платья, обнажив снежно-белые ляжки, и вошла в воду.

— Ты что, сдурела? — Лекур смотрел на нее выпученными глазами. Он смотрел на каштанового загара икры и наполовину оголенные ляжки, белые и непонятным образом завораживающие, казавшиеся совершенно недоступными, запретными и одновременно такими желанными, они как бы жили сами собой, они шли, вода поднималась все выше, и Лекур всей своей плотью превратился в эту воду, ласковую, умоляющую и сумасшедшую. Лекур ощущал в своей крови и сладость и неудержимую ярость, он не мог оторвать своего взгляда от этих ног, таких беспомощных, жестоких и неприступных.

— Леку-ку-ур! Я иду!..

— Ы-ы? — выдохнул Лекур, опомнившись, закрыл глаза, неловко замахал руками и стал подниматься на берег с по-женски гладкой спиной, в брюках, прилипших сзади, споткнулся, снова поднялся и, оказавшись за ближайшими кустами, стал говорить оттуда осмелевшим голосом.

— Стыдно должно быть тебе, Газаб, ты мать семерых детей!

Женщины захохотали весело и громко. «Лекур, почитай-ка нам еще раз свою тетрадь, покажись нам во всей своей красе!» — кричали они, снимая платья и, оставаясь, в исподнем и шли в воду, поднимая руки. Забитхан осталась одна на берегу, сидела задумчивая. Потом медленно спустилась к воде, присела на мелководье на корточки, и, окуная руки в воду, вытирала ими лицо, словно собиралась совершить намаз.

Лекур пошел берегом реки, чтобы переплыть ее обратно на повороте, подальше от женщин, и пойти домой. Лицо его было нахмурено, он сердился, потому что не мог забыть ноги женщины, темный загар икр и белые округляющиеся ляжки, шедшие к нему...

Солнце уже садилось, когда Лекур открыл скрипучую калитку и пошел во двор. В доме с ним жила только его бабушка. Правда, было еще одно «живое» существо, которого таковым только он считал, — это дерево вишня. Именно так он называл его — дерево вишня. Вот оно стоит, прямой и гладкий ствол его в двух метрах от земли разбегается на десяток легких и нежных веток. Солнце что зашло, и вишенка четким силуэтом выделяется на чистом розовом горизонте.

Лекур был грустен. Он присел на циновку, лежащую на боковой веранде, и стал насвистывать старинную мелодию. Как красиво он свистел! Трудно было понять, как можно такими толстыми губами издавать такие нежные звуки. Казалось, во рту у него были маленькие колокольчики, дудочка и еще что-то, которыми он ловко управлял своим языком.

Мелодия не успокоила Лекура. И он вытащил из-под циновки несколько листов бумаги, невесть где и как раздобытой им. На всех листках были нарисованы лошади, вернее, это была одна и та же лошадь, изображенная очень искусно, но контуром. Она была стройная, с тонкими, довольно длинными ногами и маленькими точеными копытами, с изящной спиной и сильным, но небольшим крупом и мощной грудью. Лошадь готова была в любую минуту сорваться с места и с легкостью птицы унести далеко. Но она была неживая. Лекуру казалось, что он похож на человека, который вырастил сказочную лошадь, но не может скакать на ней. Потому что он не умел обозначить на

рисунке мышцы лошади, блеск шерсти, еле уловимые движения света на теле. Без всего этого лошадь казалась мертвой. Почему он не может нарисовать ее сзади или спереди, скачущую или пасущуюся на лужайке? Как только он пытался это сделать, животное становилось неуклюжим и не радовало глаз.

Лекур помрачнел. «Ты скотина,— сказал он тихо.— Ты скотина, почему я не могу нарисовать тебя такой, какой вижу?»

Лекур сидел в окружавшей его темноте и чувствовал, что его вишенка, которую можно увидеть, если чуточку повернуть голову влево, оживает под мягким дуновением вечернего прохладного ветерка, подзолоченные розовым закатом листья начинают нежно звенеть, еще немного, и дерево плавно закружится в веселом танце, и абекуш, несравненная абекуш, без уздечки, без цвета и света, неживая, но все же несравненная, под циновкой тоже очнется и будет перебирать струнками своих ног, прядать ушами и мощно и чисто всхрапывать, но он не сможет этого увидеть. Вот он сейчас начнет насвистывать, и абекуш тряхнет гривой, пригнет голову к шее, звонко заржет и пустится вскачь, перепрыгивая через старенькую ограду, а вслед ей побежит и вишенка.

Лекур уперся подбородком в колени и стал насвистывать призывную мелодию «исламей». И тотчас на плетень сели десятки золотых птиц с радужно-многоцветным оперением, абекуш выскочила из-под циновки, птицы вспорхнули и закружились на дворе, переливаясь тысячами цветов, и наступившей тьме вспыхнули искорки света... Абекуш скачет и летает, высекает искры своими точеными копытами, грива и хвост ее то стелются по земле, то витают в воздухе, рассыпая звонкое ржание, а дерево вишня, его вишенка, вся светится, кружит и звенит, и звезды опускаются на его летящие ветви.

— Лекур! А, Лекур!.. Оглох, что ли? Сгони с плетня индейку и курей. Каждый вечер напоминаю тебе об этом. Всех утащила лиса, три курицы да одна индейка остались. Лекур!..

Лекур поднял голову. Бабушка стояла возле курятника, а дерево вишня еле виднелась в темноте. И больше ничего и никого. Как всегда. «Пошли вон!..» Завтра надо пойти к Салиху. «Вон с плетня, я сказал!» Старик выжил из ума, помешался на своей кляче, «Бегите в курятник, проклятые!»

* * *

Лекур шел к деду Салиху и вспоминал последнюю встречу с ним. С Салихом ему всегда хорошо, только он редко подпускает к себе. Можно целый день сидеть и молчать, потом взять и уйти, так и не сказав ничего, но все же остается такое ощущение, словно ты спокойно и долго беседовал с человеком. О чем? Да обо всем. На душе стало спокойно, голову не мучают дурацкие вопросы и сомнения. Разве все не ясно? Каждый живет, как может, но все надо делать правильно, по совести, даже не задумываясь об этом. Вот как река бежит, как дерево растет... Делай, что можешь и как можешь.

Салих сидел на веранде и молчал, а Лекур умиротворенно слушал его молчание. Вдруг дед спросил:

— Скажи, на кого похоже вон то дерево?

Лекур долго смотрит на дуб, вольготно раскинувший свои могучие ветви за плетнем, и не может понять, о чем и зачем его спрашивают. Потом задумывается ненадолго и говорит, почему-то быстро и неуклюже жестикулируя.

— Я знаю, о чем ты говоришь, Салих. Этот дуб похож на летний вечер, ты понимаешь? Вот сидишь под ним вечером, уже темно, смотришь на ветки, закрывающие все пространство над головой, и все равно думаешь о небе, слышишь и чувствуешь его, понимаешь?

Дальше Лекур продолжал свою речь уже молча. Слышен шум листьев, едва-едва заметный. То ли это дуб шумит, то ли что-то в тебе тихо звенит, во всем теле чувствуется какая-то легкость. Такое испытываешь, когда, лежа на спине, долго смотришь в небо с тихими легкими облаками. Огромное дерево висит над тобой, но оно не тяжелое, наоборот, сильное и доброе, оно легкое, поэтому высоко поднялось в небо.

«Дураком родился этот парень, подумал Салих, глядя добрыми глазами на Лекура. Живет сердцем... Ходит по колючкам, воображает или хочет думать, что мягко ступает по мягкой пушистой траве. Трудно будет тебе, парень, но, к твоему счастью, ты редко это будешь осознавать, потому что ты дурак».

— На воспоминание похоже,— сказал Салих.

— На что? — не понял Лекур.

— На хорошее воспоминание. Когда бывает очень жарко, и вдруг неожиданно, ты оказываешься в тени, и свежий ветерок находит тебя... Воспоминания сами находят тебя, ты им нужен так же, как и они тебе. Они все помнят, и какой был свет, и снег, и воздух, и добрые слова... И молодость. Молодость не проходит, она остается в другой жизни и не стареет. Это грустно, но это хорошо.

Вряд ли ты тоже умный, думал Лекур, немного удивленный словами старого человека. «Вообще-то я его понимаю, но откуда в нем такие мысли? Он несколько раз назвал меня дураком, но и сам тоже не умный, просто, наверное, хороший».

Салих долго смотрел на рисунки Лекура. Несколько раз он, молча и с непонятым выражением искоса взглядывал на него. Кажется, он узнал свою абекуш, поэтому так внимательно рассматривает рисунки, подумал Лекур. А старик чувствовал в душе какую-то обиду, он не понимал ее причину, и это раздражало его. Надо же что-то ответить этому дуралею, а что сказать ему — он этого не знал. Сам же Лекур выглядел совершенно равнодушным, он шел мимо и подсел к старику просто так: справиться о здоровье, поболтать немного. Ну и успел несколько раз, как бы, между прочим, спросить его: где, мол, абекуш, а старик промолчал.

— Что это? — спросил, наконец, Салих, снял чевяки и опустил свои ноги в шерстяных носках на траву. Он хотел снять и носки, но передумал неудобно перед чужим человеком. Потом еще раз посмотрел на один из рисунков и положил его перед собой.

— Что это?.. Что ты хочешь делать с ними?

— Да я это просто так, ну... нарисовал, что теперь?

— А зачем ты их нарисовал?

— Да просто так, я же сказал.

— Больше не рисуй. Оставь эту лошадь.

— Почему?

— Почему, говоришь? Потому что это повредит лошади.

Салих сейчас понял, почему он обижается на Лекура. Узнав в рисунках свою лошадь, он подумал о том, что кто-то, без его ведома, узнал о его тайне. И

не только это. Кто-то легко, без тяжких трудов, через которые он прошел, овладел той красотой, которой один он гордился и дорожил больше жизни. В этом была какая-то опасность, это и не справедливо. Разве легко увидеть красоту, понять ее? Если это так, то так же легко можно разрушить ее или забыть. Она ничего не стоит. Это неправильно. Сказав «повредит», он, возможно, думал и о себе, потому что ему стало больно. Салих сказал:

— Неправильно рисуешь.

— Конечно, неправильно. Тело есть, но... внутри ничего нет. Не бежит, не скачет, силу ее не чувствуешь, цвета ее не видишь... Конечно, неправильно. Поэтому и показываю тебе.

— Ты как это делаешь? — спросил Салих, спросил так, словно не придавал своему вопросу никакого значения.

Лекур быстро сунул руку в карман, извлек огрызок карандаша, перевернул один из листов чистой стороной и ловкими и точными движениями нарисовал абекуш. Да, это была именно абекуш. Салих косым неприязненным взглядом следил, как он толстыми короткими пальцами водит карандашом. Когда Лекур закончил рисунок, Салих окончательно понял, что его раздражает. Он поставил ноги в чувяки и, побряхтывая, встал.

«Он хочет одним пальцем рассказать мне о лошади,— думал он.— Он не чувствует запаха и пота абекуш. Каждое существо и предмет имеет свои, цвет и запах. А как же... Посмотри на ветви дерева и увидишь его корни. Как же ты живешь на свете, не зная этого? Одним пальцем хочешь понять жизнь. Надо сердцем, душой, кровью смотреть и чувствовать. Потрогай лошадь рукой, почувствуй тепло ее и запах, услышь утробные звуки в ней, всмотришь в ее глаза, пощупай пальцами заветные места. А ты смотришь пальцами. Лошадь — это святая часть нашей жизни, она уходит от нас, погибает, ее спасать надо, а ты... Брось ты это дело, парень, рисуй коров и овец. Оставь абекуш».

Салих пошел в дом.

— Иди к себе,— сказал он Лекуру.— Забудь про абекуш.

— Салих,— сказал Лекур,— покажи мне ее. Возьми меня с собой на поляну.

Салих быстро обернулся.

— Что ты сказал, парень? Куда я должен повести тебя?

— К абекуш. Я знаю, где она.

— Ты бредишь парень? Забудь, если что-то знаешь. Нет у мен больше абекуш, убили ее.

— Как же нет, если я видел ее? В глубине леса, где кизилловые деревья растут. Да я только помочь тебе хочу. Разве в таком сарае держат лошадь? Я сена накошу, знаю хорошие места...

— Ты меня понял, парень? Мне не нужен твой сарай, и сено твое тоже. Хорошую лошадь всем аулом не выращивают. Сено!.. Разве только сено нужно лошади? Иди домой и пачкай свою бумагу.

С этими словами Салих ушел в дом.

Было обеденное время. Земля продолжает впитывать в себя тепло, после обеда, часам к трем—четырем, она начнет выдыхать его обратно и тогда начнется настоящая жара. Лекур подошел к деревьям, стоящим чуть поодаль от леса, отдельными семейками. Груша, кислица, черный боярышник. Боярышник как беззвучный серый и безликий. Груша тянется ввысь с достоинством и о чем-то изредка негромко перешептывается с соседним деревом. Отрадно, подумал Лекур, кислица похожа на бедную усталую вдову, разбросала свои ветви вокруг и беспорядочно, словно торопилась от какой-то беды, и ствол неровный, в одну сторону потянулась, в другую выгнулась, верх дерева сохнет, весь ствол усеян маленькими беспомощными побегами. Живет, как может, как велят...

Лекур отправился домой, насвистывая свой любимый «исламей».

4. Война пришла в аул

Прошел год. В первые месяц-два жеребенок не подпускал к себе Салиха. Да и сам Салих не торопился со знакомством. Животное должно быть воспитано животным и первые ласки, чувство любви, привязанность и дружбы Бечкан должен почувствовать от своей матери. Не нужно навязывать ему людские отношения, то, что он должен знать о людях, что понадобится ему и его жизни, все это он сам узнает и выберет. Зачем приучать его к тому, что нравится только человеку, ведь в этом случае в нем не достаточно разовьются его природные свойства.

Салих пока только помогал абекушу воспитывать Бечкана. Абекуш не на воле жила, породу, к которой она принадлежала, вырастили люди, развивая в ней лучшие качества, но лошади всегда чувствовали, что они свободны и детей своих растили сами, именно это и сохранило в них их лучшие свойства, укрепленные затем людьми. Лет десять назад таких лошадей оставалось несколько, но всех их забрали в колхоз. Это пропавшие лошади, сказал Салих, узнав про их судьбу, чистая кровь в них превратится в грязный пот. Лошадь такой породы не запрягают в телегу или плуг. Абекуш родилась для красоты, скорости, силы, так растили их мастера. Зачем жить Салиху, если он не сможет сохранить эту породу?

Салих как бы случайно встретился с новым председателем колхоза и сказал ему намеком, чтобы он поберег этих лошадей. Отощавший мужчина с впалыми щеками, болезненно мутными глазами невидяще взглянул на него. Он смотрел на него и молчал, поэтому Салих продолжил равнодушным голосом:

-- Жалко, говорю, лошадей. А сам подумал: плохи у тебя дела, председатель. Достал кисет и протянул ему:- Что скажешь, Матау? Возьми, выкури.

Матау молча отвернулся и зашагал прочь, сутулясь и кряхтя. Потом остановился и неожиданно заговорил быстрой скороговоркой:

— А тебе меня не жалко? Какой из меня председатель? Ты когда-нибудь видел такого председателя?.. Салих, ты вроде не глупый, но сейчас не могу понять тебя. Земля горит, стонет, люди гибнут и мрут, а ты о чем говоришь? Если лошади пригодились колхозу, так надо этому радоваться.

Председатель ушел. А Салих стоял и думал: не знаю, кто из нас умный, а кто глупый. Земля горит, это правда, но почему лошади должны сгореть? Разве нельзя их спасти? Правда, что идет война, но она никогда не прекращалась... Перебейте друг друга все, а я спасу лошадей. Я тоже умру, или убьют меня, ты тоже, и другие тоже, но эта земля и эти лошади всегда будут жить. Вот что я хотел тебе сказать, Матау, чтобы холера тебя взяла!

Салих иногда с неохотой вспоминал эту встречу с председателем. Он был уверен, что Матау не прав, но и сам он тоже в чем-то ошибается. Но в чем? Пусть собаки загрызут тебя, Матау, разве такую лошадь запрягают, разве без

нее не могут закончить эту проклятую войну? Почему ты так уничижительно посмотрел на меня, а?

Жеребенок быстро подрастал, и все мысли Салиха были заняты им. Салих, как его отец, хорошо знал лошадей. Это не всем нравилось, не нравилось многим, что он мог безошибочно оценить любую лошадь, предугадать исход скачек. Иногда, уступая настойчивым просьбам любителей, он готовил одну или двух лошадей к скачкам. И чаще всего побеждали его лошади, он не стал бы готовить к скачкам слабого коня, а хозяин побежденного коня обижался, виня во всем Салиха. Никто особо не задумывался над тем, как сложно готовить лошадь, ведь в скачках принимали участие лошади разных пород. Одни быстро скачут, но так же быстро и устают, другие могут долго скакать, медленно набирая скорость, а финиш уже близок. Сколько раз было так, что лошадь, мысленно отмеченная Салихом, как будущий победитель, приходила третьей или последней из-за того, что седок плохо знал ее. Такая лошадь, потерявшая доверие к человеку, уже ни на что не способна.

Салих пока еще не задумывался над будущим Бечкана, он воспитывал его, помогая абекушу, так, чтобы он стал таким, каким предназначено ему было быть природой. Остались ли где-нибудь еще такие лошади, они ведь были и в Кабарде, в Черкесии? Мало надежды на это. Жеребенок радовал его, он с каждым днем все явственнее видел в нем те качества, которые были свойственны породам абекуш и бечкан.

* * *

Маленький адыгский аул не миновал войны. Когда красные, отступая, покинули его, пришли немцы и, хотя, кроме стариков, старух и детей в нем уже никого не оставалось, они обыскали каждый дом, сарай и курятник. Потом в ауле наступила тишина, прерываемая изредка только голосами немцев.

Салих из своего двора смотрел на обезлюдевший аул. Только над несколькими крышами вьется слабый дымок. Какой-то пес, пугливо озираясь, перебежал через улицы и спрятался в высокой траве за сараем. Одинокая курица с кудахтаньем взлетела на крышу старенького курятника и замерла, видимо, испуганная непривычной пустотой и тишиной.

Немцы обосновались в центре аула. Поставили два невиданных в ауле зонта, больших и разноцветных. Единственную, более или менее приличную комнатку в конторке прибрали для офицера. Чувствовалось, что они не собираются долго задерживаться здесь.

Салих теперь жил в лесу, в шалаше вблизи сарая, который построил для своих лошадей. Абекуша и Бечкана он заводил в сарай только когда шли дожди, остальное время они находились в лесу. Абекуша он стреножил, чтобы не ушла далеко. Немцы скоро уберутся, не навек же они пришли, думал он.

Но не все предугадал Салих. Немцы решили прочесать лес — то ли кого-то искали, то ли боялись чего-то. Лес был небольшой, за какой-то час, его можно было пройти вдоль и поперек, с северной стороны он тянулся вдоль реки, а с южной краем своим упирался в аул. А вокруг леса тянулись колхозные угодья. Стоял послеобеденный час, знойный, с удушливым воздухом. В такие часы Салих ставил абекуш в прохладный сарай, затененный несколькими вербами с густой кроной. Вот и сегодня абекуш стоит в сарае, перед ней солидная охапка зеленой травы, скошенной до наступления дневной жары, а Бечкан, не чувствуя зной, бегаёт по поляне, вот сейчас он ушел под кусты орешника, обмахивает себя хвостом, задевая им за поникшие листья.

Салих слышал лай собак, но не сразу сообразил, что это немецкие овчарки, он только инстинктивно подошел к дверям сарая, не зная еще, что сделает в следующую минуту. Голоса собак приближались, и он подумал, что так собаки могут гоняться только за крупным зверем, которого уже учуяли по следу.

Он все еще стоял у двери, когда на поляне показались первая собака, за ней вынырнул из леса и немецкий солдат, державший ее на поводке. Почему-то Салих сразу обратил внимание на глаза собаки: она еще никого не видела, а они уже налились кровью, и шерсть на загривке стояла дыбом. Этот зверь бросится на кого и на что угодно, хоть на человека, хоть на дерево, только прикажи ему.

Солдат увидел старика, сразу направил на него автомат и дал короткую очередь. Салих почувствовал острую, толкающую боль в плече и упал.

Все происшедшее видел Лекур. Он с самого утра следил за лошадьми и Салихом. Лекур после разговора с ним понял, что его не подпустят к лошадям, и разработал план действий. Старик зорко стережет своих питомцев, но Лекур

смог подобрать к ним путь. Он быстро понял, что с абекушем не сможет подружиться, но сумел вызвать к себе достаточно доверия, чтобы она не мешала ему дружить с Бечканом. И самую неоценимую услугу ему оказало, как он сам считал, его умение свистеть. Незаметно для Салиха он подбирался к лошадям на такое расстояние, чтобы они могли слышать его, и начинал свистеть — и вот льются в самозабвенном исполнении веселые, грустные, героические песни, особенно удавались ему танцевальные мелодии. Вначале абекуш, слышав свист Лекура, поднимала голову, поворачивала ее в сторону Бечкана, напрягала уши и некоторое время находилась в настороженном состоянии, потом привыкла. И как было не привыкнуть, если Лекур приходил к ним и утром, и в обед, и вечером, иногда задерживаясь до полуночи! Потом он стал ближе подбираться к жеребенку, мог простоять в двух шагах от него час и два. Жеребенок привык к нему, стал подпускать к себе, он получал от него ту ласку и нежность, которой сознательно лишал его Салих. Лекур был счастлив, он готов был целые сутки проводить рядом с ним, гладить его упругие бока, стройные ноги, бегать с ним. Его смущало только одно: жеребенок, которому было только несколько месяцев, чаще всего вел себя как взрослое животное, он не принимал явно выраженных нежностей, они быстро надоедали ему, и он убегал от него, взбрыкивая и мотая головой.

В отношении лошадей Лекур не имел какой-то определенной цели, он просто восхищался их красотой, видел в них какую-то скрытую от него тайну и даже мудрость, мучался, не понимая, кто и как так ладно скроил их мощные тела, о чем они думают долгими ночными часами, не засыпая и не закрывая глаз. Он удивлялся их спокойствию — пасутся ли, пьют воду, купаются в реке под наблюдением Салиха, отдыхают ли от дневной жары, они всегда спокойны, не торопливы, им все известно, каждое их движение рассчитано навсегда. Они не чувствуют себя отдельно от всего, что их окружает, подумал Лекур, где им удобно, там они стоят, пасутся или лежат, ищут хорошую траву, пока не найдут ее, точно зная, что она где-то есть, где им не хорошо, туда они не ходят. А Салих — дурак, подумал он еще, хотя не мог бы сказать, почему он считает его таким. Лекур завидовал Салиху, может быть, не осознанно, но это было так, завидовал и сердился на него. Сердился за то, что Салих раньше и лучше, чем

он, понял красоту этих животных, и, заботясь о них, делал какое-то большое и нужное дело, недоступное ему и еще за то, что это дело не доверено ему.

Когда немецкие солдаты зашли в лес, Лекур пробрался к сараю короткой дорогой. Но он не решился подойти к нему, к старику, и предупредить его, он не разговаривал с ним с тех пор, как Салих прогнал его с рисунками и думал, что старик не подозревает о его дружбе с лошадьми.

Лекур сидел, затаившись, в кустах, на краю поляны. Подождал, пока Бечкан подойдет к кустам поближе и посвистел коротко, тем свистом, которым всегда приветствовал его. Жеребенок узнал его, подошел еще ближе, потом прилег в тени густого орешника. Он был совсем близко, в двух шагах от него, абекуша на поляне не было, может быть, своим животным инстинктом он уже почувствовал какую-то опасность. Лекур стал подбираться к нему на корточках, тихонько подсвистывая себе. Еще сам не зная, что и зачем делает, снял пиджачок, взял в левую руку кусок хлеба, запасенный для Бечкана, и подполз к нему вплотную, вот уже можно погладить его рукой. Когда неожиданно близко послышался лай собак, он накинулся на жеребенка, который уже собирался вскочить, накинул на голову пиджак и сжал в своих объятьях напрягшееся и вздрагивающее тело. Так, лежа в кустах и сжимая испуганного Бечкана руками и налегая на него телом, он увидел, как выстрелили в Салиха и он упал, а потом с десятков немцев выбежали на поляну, вывели из сарая абекуш подняли очнувшегося Салиха и увели обоих. Через минуту двое вернулись назад, подожгли сарай. Когда они ушли, Лекур стал думать, что ему делать. В аул нельзя возвращаться, там немцы, значит надо вечером идти домой, предупредить бабушку, чтобы не тревожилась, но как быть с Бечканом? Увидел шалаш Салиха, не сожженный немцами, и обрадовался. Он еще крепче обмотал голову жеребенка пиджаком, с трудом дотащил до шалаша и, запустив его туда, закрыл изнутри.

* * *

Рана Салиха была не тяжелой, но не переставала болеть, но все мысли его были заняты абекушем и жеребенком. Он видел, как немцы увели абекуша, но

не знал, что стало с Бечканом, и тяжело переживал, считая, что немцы могли просто пристрелить его, потому что вряд ли он дал бы себя поймать. Или убежал в лес, где может стать легкой добычей для волков.

Салих сидел под плетнем, окружавшем контору, со связанными руками и солнце светило ему прямо в лицо. Странно устроен этот мир, думал он, как бы впервые отчуждая от себя его, и равнодушно наблюдая за немцами во дворе конторы. Все вроде заняты каким-то делом, но кому это нужно и зачем — непонятно. Наш председатель не может понять меня, а эти люди пришли, один Аллах знает откуда и хотят, чтобы их поняли. Для него они были совершенно чужие, чужими и неприятными были их язык, повадки, лица. Вон один дюжий солдат налег на хиленькую плетень, скоро повалит ее, а ему хоть бы что, не жалко, чужое. Если для него здесь все чужое, то, что привело его сюда?

Что же стало с абекушем и жеребенком? Он не хотел уже думать о них, считая это бесполезным занятием, они погибли или погибнут. Как же мне узнать, что с ними, как вызволить абекуша, если она еще живая, где находится Бечкан? Может, лучше было бы отдать кобылу красным? Но какая была бы польза от нее после военных дорог?

Салих почувствовал над собой чью-то тень и поднял глаза. Немецкий офицер стоял от него в двух шагах и смотрел на него. Сапоги из хорошей кожи у этого мерзавца, подумал он, но почему он их так начистил? Сапоги — не игрушка же, да и война ведь. Рядом с ним стоит какой-то суетливый человек с бегающим лицом, сзади них — еще двое с автоматами. Офицер что-то сказал, глядя на Салиха, в уголках его рта таилась насмешливо снисходительная полуулыбка, и непонятно было, специально ли он к нему подошел или случайно остановился. Стоявший рядом с ним человек вздрогнул, забежал лицом, угодливо заглянул ему в глаза, но когда повернулся к Салиху, скорчил презрительную гримасу.

— Ты партизан?

Салих не знал, что ответить. Только Аллах теперь знает, кто он. Но неужели они не видят, что я не партизан, не вооружен, просто старый человек.

— Ты что, не слышишь, скотина?

Салих больше не стал обращать внимания на человека с бегающим лицом, он смотрел на офицера, не понимая, чего он хочет от него. Разве и он не видит,

кто такой Салих, разве все не написано на его лице, и руки его, и одежда ни о чем не говорят ему?

Внезапно раздавшийся стук копыт лошади заставил Салиха приподняться. Звонче этого звука раздавались скрип и грохот старой телеги, но он слышал только этот тихий стук. На телеге стояла бочка с водой. Телега заехала во двор, немецкий солдат погонял лошадь толстой хворостиной.

Это была его абекуш, никогда не знавшая ни хомута, ни хворостины, ни сильного окрика, сама все понимавшая с полуслова, с легкого движения или мягкого прикосновения, выученная и воспитанная Салихом. Старик был ошеломлен увиденным. И первое, что он почувствовал, это обида: «Как ты могла позволить запрячь себя, как тебе не стыдно!? Это же конец всем моим трудам!» Салих повернулся спиной к абекуш. «О Аллах, неужели на этом свете все сошли с ума? Зачем я дожил до этого дня? Как ты могла позволить сделать такое?»

Немецкий офицер тоже смотрел на абекуш, смотрел внимательно и напряженно. Он перевел взгляд на Салиха и что-то сказал стоявшему рядом переводчику. Тот спросил Салиха:

— Это твоя лошадь?

— Разве это лошадь,— печально ответил Салих.— Дрянь, а не лошадь.

Офицер подошел к лошади и стал внимательно осматривать ее. Потом велел освободить от хомута и поводить на вожжах. Салих посмотрел на абекуш и вдруг обрадовался: она была печальна, очень печальна, она сломлена горем. Никогда он не видел ее такой, без присущей ей природной грациозности и упругости движений, все ее тело обмякло, шея повисла вниз, уши вялые. «Как ты несешь свой живот!» — мысленно крикнул ей Салих, уже забыв о том, что обрадовался, увидев ее печальной. «Хорошо, хорошо,— говорил он ей опять,— не торопись, потерпи немного, я могу и обижаться на тебя, может быть, это печалит тебя, потерпи, мы с тобой пойдем друг друга.» Так он следит за абекуш, то сердясь на нее, то жалея и одновременно ощущая свою беспомощность.

Абекуш была не способна понять поведения этих людей. Все, чему учили ее долгие годы, рухнуло разом. Телега не была ей в тягость, абекуш была очень сильна и с легкостью вывезла ее на берег реки с бочкой и солдатом. Но ей было

очень тяжело, она лишилась чего-то важного, может быть, самого главного в своей жизни. Она знала и слушала только одного человека, доверяла ему целиком, хотя не во всем внутренне соглашалась с ним, но терпела и со временем понимала, что все, что делает Салих по отношению к ней, потом начинало нравиться ей. Она поверила, что ее жизнь имеет какой-то смысл и предназначение, потому что в ней появились порядок и гармония, с которыми легче и приятнее было жить. Ухоженная кожа ее легко угадывала малейшие изменения в воздухе и свете, уши улавливали легчайшие шорохи, она знала, какие травы, в какую пору дня слаще, угадывала по шелесту и меняющемуся цвету листьев на деревьях, по поведению животных и насекомых в лесу, будет ли теплый дождик или грянет гроза, в ее теле не было ни одной клеточки, которую она не ощущала бы ежеминутно. Ничто не мешало ей чувствовать себя лошадью, наоборот, все, чему она училась у Салиха, укрепляло в ней это ощущение — что она - существо со своими особенностями, более того, чем явственнее проявляются присущие только ей черты, тем лучше и ей, и Салиху. Она знала, что с каждым днем становится сильнее, в ней проявляются новые свойства, помогающие понимать окружающий мир, и ничто не угрожает ее существованию. И все это благодаря одному человеку. Но почему вдруг все это рухнуло, как она может вот так сразу все изменить в себе и зачем? Абекуш не могла не думать о том, что все случившееся произошло с ведома и согласия Салиха, это и стало причиной ее печали и страданий. Горе ее было настолько велико, что она уже почти перестала думать о Салихе. Если ее что-то еще могло заставить страдать, так это воспоминание о своем жеребенке, который тоже пропал...

— Эй!.. Эй!

Салиху тоже было плохо. Он понял состояние абекуш и грустно опустил голову. И вдруг какая-то смутная надежда мелькнула в голове. Он повернулся к абекуш и внимательно посмотрел на нее. «Ты хорошая, ты замечательная, — говорил он ей мысленно, — ты верна себе, осталась такой, какой я тебя воспитал. Злой ветер срывает с дерева еще зеленые листья, но от этого дерево не умирает. Ты винишь меня? Правильно, но помоги мне, не осраимся перед этими выродками!

— Эй!

Тень близко нависла над Салихом. Офицер тронул концом хлыста, которым он постегивал себя по голенищам сапог, подбородок Салиха. Переводчик подбежал к нему.

— Это твоя лошадь?

— Да, моя, если ее можно называть лошастью.

Салих первый раз внимательно всмотрелся в лицо офицера, удивился, что не знает его и, почему-то обрадованный этим, еще раз посмотри на него. На кого он похож? Надо вспомнить... Нижняя половина лица, начиная от кончиков ушей, напоминает какое-то животное, но какое?.. Широкое, квадратное, не меняющееся, словно вылитое из чего-то твердого, горделивое, нет, скорее, чванливое. Верхняя же часть совершенно другая: она живая, часто меняется в цвете, розовея или краснея, и тогда становятся видны рыжеватые волосики — не сбриваемый пушок. Эта часть то строгая, то вялая и неприятная и маленькие глазки или пристально настойчивы, или равнодушно отчужденны. На какую же половину лица надо смотреть, чтобы узнать, о чем он думает? Или что сделает? Наверное, такой человек и себе не верит, и другому тоже не доверится до конца.

— Старик, подойди к лошади.— Это был голос переводчика.

Салих подошел к лошади, что-то тихо пробормотал. Чуть дрогнуло правое ухо абекуш. Салих снял уздечку с абекуш.

— Таковую лошадь не запрягают. Она не нуждается в вожжах,— сказал он.— Покажи ее нам.

Никто не видит истинной красоты лошади, ее надо чувствовать так, чтобы словами невозможно было передать. Слова- тень того, что чувствуешь сердцем.

— Чего ты ждешь?

Салих посмотрел на офицера и еще раз удивился тому, что раньше не видел его, и теперь это огорчило его. Люди должны знать друг друга. Он мог бы его понять, если бы они были знакомы. И еще он подумал: этот парень одной половиной своего лица находится на своей земле, а на другой отражается то, как он чувствует себя на чужбине.

Салих что-то неслышно сказал абекуш; ничто в ней внешне не изменилось, но он понял, что она слышит и понимает его. Не притрагиваясь к ней, он издавал какие-то невнятные звуки, и сейчас можно было заметить, как абекуш

реагировала на него: ноги выпрямились, как струны, голова чуть приподнялась и стала строже, хвост подобрался, уши наострились. «Молодец, молодец»,— думал Салих, и абекуш слышала его, она переставила ноги и подобрала живот.

— Мой отец — большой специалист по лошадям,— сказал офицер, не оборачиваясь к переводчику.— Он и меня учил разбираться в лошадях. Помню, у него есть книга, написанная русским коннозаводчиком, его фамилия, если не ошибаюсь... Урусов. В этой книге описывается и эта порода, мы думали, что она вымерла при Советах... Ну-ка, пусть побегает.

Салих оценил желание офицера, но разве он не видит, что абекуш прекрасна и без движения? Разве не прекрасно летнее дерево, стоящее одиноко на просторе, или тихая вода в прохладной тени нависающих веток высоких деревьев, или погожий день, с утра до сумерек облагораживающий мир?.. Абекуш красива тем, что ты тоже становишься красивым вместе с ней, и все это видят и тоже становятся красивыми.

Абекуш услышала Салиха и тронулась с местами, и первые же ее шаги обратили на себя внимание всех. В ее движениях не было выученной рисовки, она шла свободная, осознавая свою красоту. Поставь под ее копыто куриное яичко — она не раздавит его, она не свернет с дороги, если перед ней вспыхнет огонь и даже внезапно возникшая на пути гора ничего не изменила бы в этой поступи грации и гармонии прекрасного тела с окружающим. Большое, сильное тело вдруг превратилось в выточенный одним движением организм, легкий, играющий мускулами, пробуждая в душе восхищение.

«Интересно, что скажет отец, увидев ее,— думал офицер, у которого лицо оставалось прежним.— Он говорил, что некоторым, очень ценным породам из его табуна нужна чистая, горячая кровь, иначе им угрожает вырождение.

— Пусть побегает!

Салих уже понял, что офицер знает толк в лошадях, это было и приятно, и огорчало его — если он раскусил, чего стоит абекуш, что он захочет сделать с ней?

Никто не заметил, какую команду дал старик лошади, но та немного ускорила свой шаг и плавно перешла на рысь. Кто не видел, как бежит лошадь? Интересно наблюдать за бегом любого животного или зверя, но почему больше всех нас восхищает бегущая лошадь?.. Один бежит, обуреваемый страхом,

другой гонится за своей жертвой и в каждом его движении чувствуется жестокость, третьему в тягость собственное тело, в нем ни изящества, ни четкой непринужденной четкости и стремительности... Лошадь бежит — и это продолжение ее красоты в новом качестве, когда все члены ее оживают и являют собой единое тело, подчиненное внутренней энергии, радостно освобождающейся в каждом мускуле, каждой клеточке, чтобы отдаться этой безудержной стремительности. Если настигнет ветер - будет только играть ее гривой и хвостом, не в состоянии разрушить эту красоту, нахлынет дождь — и вода будет разбрызгиваться тысячами капель на ее теле и серебристыми всплесками вырываться из под копыт, окружая ее звонким сиянием.

Все присутствующие зачарованно смотрели на абекуш, и это опять опечалило Салиха.

— Скажи этому старику, что я эту лошадь отправлю в Германию,— это офицер обратился к переводчику. Там за ним будет настоящий уход.

— Не нужен ей такой уход,— мрачно сказал Салах.— Она выросла на нашей земле и только здесь ей будет по-настоящему хорошо.

— Нет, старик, здесь она пропадет. Пока мы тут наладим все...

Салих вдруг понял, что всегда ждал подобного конца. Надо что-то делать... Лес отсюда недалеко, шагов двести, не более, но как добраться до него? После родов абекуш не такая уже быстрая, да и без меня вряд ли убежит.

Вдруг со стороны леса, куда смотрел Салих, раздалось звонкое ржание Бечкана, жеребенок абекуш, это в его голосе были и боль, и страдание, и призыв к помощи. Абекуш замерла, как вкопанная, застыла, как изваяние, напряглась, наострила уши, глаза расширились и округлились, и она издала через гневно затрепетавшие ноздри ржание, от которого у стоявших вокруг немцев по коже пробежали мурашки. Она поднялась на задние ноги, еще раз громко заржала и, подскочив к Салиху, мягко толкнула его мордой в плечо. Салих не успел еще опомниться, он только краешком глаза увидел, как офицер стал расстегивать кобуру, затем послышался еще раз призывный клич Бечкана. Салих толкнул в грудь абекуш и сказал, хотя она уже не нуждалась в этом:

— Иди!..

Абекуш натужно всхрапнула, одним рывком достала офицера и свалила его ударом головой в грудь, потом поскакала, но не прямо, а, быстро скрывшись за конторой, обогнула домик и, защищенная им, рванула в сторону леса.

Немцы стреляли ей вслед, но никто не попал.

Когда офицер пришел в себя, он приказал одному из солдат отвести Салиха к небольшому болотцу, расположенному совсем недалеко, еще до леса, и расстрелять. Немец взял с собой недоеденный кусок арбуза и жевал его по пути. Когда дошли до болотца, он велел Салиху войти в заросшую кустами и невысокой осокой мутную воду по грудь. Когда Салих остановился и стал поворачиваться к нему лицом, немец отбросил в сторону остатки арбуза и дал короткую очередь из автомата. Салих почувствовал сильный толчок в грудь и вслед за раскаленным свинцом — быстрое и легкое дуновение.

* * *

В летнем легком платьице, босоногая, с коричневыми от загара ногами девочка идет берегом реки. Трава невысокая и мягкая, и вся усыпана росой. Вот остановилась: увидела две росинки, одна красновато-желтая, другая голубая, если чуть склонить голову, цвета меняются. Она играет с ними, то чуть отвернет в сторону голову, то начинает тихо приседать, теперь пошла вперед, пригнувшись, крадучись, как кошка, замерла на месте и выпрямилась разочарованная, значит, потеряла замеченные капельки. Она вернулась назад, но росинки уже не показывались. Постояла минутку, грустная, потом снова повеселела, помчалась по траве, сбежала с невысокого берега и подошла к роднику, со дня которого тихо и медленно поднимались, вихрясь, золотые, серебряные, изумрудные струйки. Девочка нагнулась к роднику, но тут же испуганно отпрянула: она увидела на чистой водной глади бородатое лицо с сигаркой, зажатой в желтых зубах. Салих не видел этого лица. Он увидел только, как вслед отпрянувшей девочке из воды показались длинные руки со скрюченными пальцами. «Не бойся! — закричал Салих.— Не бойся! Я убил его». Руки тут же исчезли, но девочка стала уходить, сказала, не оборачиваясь: «Ты убил его?» — В ее голосе были и страдание, и боль, и удивление. «Ты убил его?» — сказала она, упирая на «ты». Эхо несколько раз повторило слово и

скатилось с берега. «Подожди! Подожди, почему ты утром пришла к роднику?» «Потому что я хочу воды...» «Но ведь день еще не начинался?» «А я всегда хочу воды... Я все время хочу воды из твоего родника». «Так пей, пей, сколько хочешь!» «Нет, уже не хочу... Там мертвое тело». «Пожалуйста, не уходи еще!..» Девочка остановилась, повернулась к нему лицом и вдруг оказалась совсем близко, и Салих вздрогнул от испуга: глаза ее были закрыты, голова беспомощно свернута чуть набок, из пальцев правой руки торчат зеленые длинные стебли подводного растения...

* * *

Лекур и Саня нашли Салиха в болоте, затылком он упирался в плотный кустик из осоки, а ноги почти по колено стояли в тине. Они вынесли его из воды ночью.

* * *

Богатыри проезжали мимо него, и им не было конца. О Аллах, почему они все на одно лицо, и где я их видел? На кого же они так похожи? Все в кольчугах, хорошо вооружены, доспехи сверкают на солнце и не слышно ни одного звука, бредут устало и молча.

«Куда вы отправились?» — спрашивает Салих. «Уходим». «Куда?» «Разве не видишь?» — не глядя ни на кого, отвечает кто-то, и каждый их всадников повторяет эти слова. Он смотрит вслед голосам и видит абекуш: она идет следом за батырами, хвост ее висит безжизненно, за ней следует Бечкан.

— Куда вы отправились? Куда? — кричит Салих. — А я? Я... Я.. Я.. — голос Салиха скачет по-над головами всадников. Абекуш тоже не оборачивается. Салих смотрит вокруг: все окружающее его тоже куда-то медленно движется, как на плаву, и деревья, и травы, земля тоже плывет из-под ног, все остальное бесцветно, безжизненно, безмолвно и какой-то тонкий жалобный звук несется вслед всему уходящему, покидающему его.

— Куда вы? — кричит еще Салих, пытаюсь заглянуть в лица батыров.

Лекур!.. Все всадники на одно лицо, это Лекур. Это придало смелости Салиху, и он закричал еще сильнее и сердито:

— Куда вы, дуралей?

— «Уходим, Салих, уходим туда, куда уходят те, кто потерял надежду».

— А лошадь? Куда вы уводите мою лошадь?

— «Она сама идет за нами, она сама так захотела. А мы никто, мы ее тени. Возьми это...» Лекур достает из-за пазухи несколько листков. Салих смотрит на них: на всех листках нарисована абекуш: она стоит боком, это ее фигура, ее сухая голова, тонкие, как струны, и крепкие ноги, все нарисовано одной линией, ни мускулов, ни шерсти, холодно ли ей, жарко ли, непонятно, стоит как неживая.

* * *

Лекур с Саней донесли Салих до леса. Оставив Саню с Салихом, Лекур побежал в аул, сказал, что принесет чистые тряпки. Но, где-то через час вернулся со своей бабушкой, которая взяла с собой и тряпки, и горячую воду в кувшине, какие-то целебные травы. Она долго возилась с Салихом, не поднимая головы, и только когда Салих застонал, облегченно вздохнула. Лекур увел ее домой на рассвете. Потом они соорудили небольшой шалаш в лесу, Салих пролежал там три дня. Когда немцы покинули аул, Салиха отвезли в аул, к бабушке Лекура, чтобы она подлечила его. И только тогда Лекур вспомнил о лошадях, и в первую очередь, о Бечкане.

...Когда Лекур затолкал Бечкана в шалашик и снял с его морды свой пиджачок, жеребенок секунду стоял недвижно, с высоко поднятой головкой и вытаращенными глазами, быстро освоился с темнотой и случившимся с ним. Потом раза два тихо заржал, громко всхрапывал, он звал мать и ждал ответа, которого не дождался, и стал лягаться и мотать головой. Лекур испугался, шалаш был ненадежен, и жеребенок, отчаявшись, мог разнести его. Лекур взял свой пиджачок за рукава и, уловив удобный момент, снова накинул его на шею Бечкану, завязал рукава и вывел его из шалаша. Так держа крепко конец перепуганного жеребца мертвой хваткой, он довел его до края леса, откуда и раздался позже призывный голос Бечкана, услышанный матерью. А когда

абекуш вырвалась из плена, жеребенка уже невозможно было удержать, Лекур понимал, что если абекуш доберется до них, то ему самому не поздоровится, и он отпустил Бечкана... Лошади убежали в лес, а Лекур не ушел, он увидел все, что потом произошло. Когда стемнело, он вернулся в аул, на ходу ругая его про себя и называя последним дураком. Он думал, что Салиха убили, но Сане так не сказал. Оба были очень взволнованы, Лекур, думавший, что Салих мертв, все же испытывал крайнее возбуждение, у него то и дело увлажнились глаза от мыслей о том, что, хоть Салих и мертвый уже, но он окажет ему помощь, вытащит из болота и ночью вместе с Саней похоронит его.

Два месяца не вставал Салих с постели. Немцы отступали, их погнали наши назад, так сказал, вернувшийся без ноги, аульчанин. Снова замелькала на улицах и в поле изможденная фигура председателя, который всегда ходил так, снова прорывался сквозь ураганный ветер. Салих, как только встал, похудевший и слабый, отправился на поиски своих лошадей, и через час нашел их в лесу. Лекур был удивлен и ошарашен, он, с Саней искал лошадей все два месяца и не мог напасть на их след, а старик отыскал их за какой-то час в лесу за рекой.

Салих, увидев, лошадей на маленькой поляне, долго наблюдал за ними, не показываясь им. Нет, никаких изменений он не увидел в них. Бечкан подрос, возмужал, сказал он себе, может, оно и к лучшему, что, столько дней он был с матерью на свободе, она показала ему места, где хорошая трава, и речку, и лес в разное время суток, научила прислушиваться к звукам природы и изменениям погоды. Он заметил, что они чувствуют себя свободными, что они воспринимают мир таким, каким они, лошади, могут и должны знать его. Так и должно быть, как и чему не учи лошадь, она должна оставаться со всеми своими свойствами и качествами, настоящий мастер не вредит им, а улучшает и развивает их.

Да, Бечкан подрос, в нем уже явственно видны качества отца и матери. Он будет сильным и быстрым. У него будет добрый характер, материнский, ум, помогающий приспособиться к любым неожиданностям, и отцовская сила, выносливость, выдержка.

Абекуш почувствовала Салиха. Она повернула голову в его сторону, и некоторое время смотрела на него, ничем не показывая ни радости, ни

огорчения. Потом всхрипнула раза два, призывая сына к вниманию. Бечкан подошел к матери и стал рядом. Потом они вместе подошли к старику. Салих осмотрел абекуш со всех сторон. Кажется, чуть похудела. К Бечкану он отнесся поостороже, не стал близко подходить к нему, просто дал понять, что видит его, помнит, знает. Впереди у него большая жизнь, нельзя приучать его к нежностям, необходимую ласку он получает от матери.

Салих пошел домой, абекуш и Бечкан шли следом за ним.

Тяжелое время

Прошло три года после войны.

Салих стал немым. Изредка он мог сказать два—три слова, но, на большее его не хватало. Саня, научившийся хорошо говорить на адыгейском языке всегда был с ним рядом. Когда Салих, сказав несколько слов, терял дар речи, и не замечая этого, продолжал беззвучно шевелить губами, Саня смотрел на них и понимал, о чем говорит старик.

Лекур отказался от своей бригадирской должности, которую занимал за неимением лучшей кандидатуры, он стал табунщиком и пас ночами десятков изможденных непосильным трудом лошадей. Днем он бывал с Салихом и Саней. Салих перестал ходить в аул, сестра его умерла, и теперь ничто уже не связывало его с аульчанами.

Абекуш могла еще родить, Салих это знал, но где взять такого жеребца, породистого, который мог бы продолжить кровь абекуш? Когда же, он ощущал в себе какую-то непонятную пустоту, не мог заглянуть в себя, словно тьма поселилась в его сердце. Он был доволен абекушем, она оправдала его надежды, подарив ему жеребенка, в котором соединились лучшие достоинства двух замечательных пород. И все же равнодушие, порожденное чувством беспомощности, стало часто посещать его, и он, похоже, все реже задумывался о судьбе Бечкана.

Может быть, он устал сердцем. Лучше всех это чувствовала абекуш, которая оживлялась только при виде Салиха. Иногда они вместе проводили целые ночи, Салих устало присаживался на землю, абекуш подходила к нему и простаивала над ним и час, и два, склонив свою голову к его плечу, словно

сторожила сон этого усталого человека. Временами Салих, словно опомнившись от чего-то, начинал внимательно рассматривать абекуш и с грустью замечал, что глаза ее теряют живой блеск, грива редеет, шерсть уже не гладкая и не ровная цветом, и его охватывала печаль. Он гладил абекуш слабеющей рукой по шее, и лошадь грустно опускала голову, словно чувствуя какую-то вину перед ним. Может быть, именно потому, что каждая встреча с ней давалась ему теперь все труднее, он стал отдавать ее на ночь в табун Лекура.

Лекур радовался, когда Салих доверял ему свою красавицу. Он теперь забросил свои рисунки и не мог насмотреться на нее. Но он не понимал печальной усталости и равнодушия ее, не мог взять в толк, почему абекуш не радуется встрече с ним. Она никак не относилась к нему. Когда он пытается погладить ее по шее или по бокам, она устало и равнодушно поднимала свою красивую голову, отказываясь от непрошенной ласки, или поворачивалась к нему боком, и уходила от него. И все же он был рад, тому, что ему достаточно было видеть ее и чувствовать какую-то ответственность за нее, он знал, что она умная, понимает его и прощает ему его ребяческие нежности.

Лекур был счастлив и не понимал, почему Саня задерживается после уроков: то по пионерским делам, то колхозу помогали, то еще что-то. Нет, пусть учится, конечно, но зачем лишний раз задерживаться в школе? Он мог бы взять его к себе помощником, хотя бы на ночь. А ночь — это самая прекрасная пора. Ты один в доме, один в лесу, на речке, разводишь костер, жаришь на углях картошку или белую тыкву, у тебя есть молоко и хлеб, ты сам себе хозяин. Правда, ночью в лесу, он чувствовал себя неуютно и тревожно, и хоть его не покидало ощущение присутствия чего-то и кого-то, коня он не видел и не слышал и ничего не мог поделать с этим. Он закрывал глаза, чтобы почувствовать это что-то, затыкал уши, но, и не видя и не слыша, чувствовал вокруг себя нечто такое, с чем не мог слиться так, чтобы не чувствовать его отдельно от себя, как чужое. Даже дыхание меняется, тело настораживается и напрягается, хочется все время смотреть по сторонам, искать что-то присутствует рядом, но ты не видишь.

И все же лес притягивает к себе. В нем есть затаенная большая сила и своя жизнь, но он не впускает тебя в себя. Вот он дышит, издает настораживающие

кровь звуки, что-то вздрогнет под ногами, что-то прошелестит, потом посмотришь вверх — кроны деревьев, сплетенные в таинственные очертания, молча смотрят на тебя. Иногда он вот так застынет, с вздернутой вверх головой, ноги прирастут к земле, руки чуть растопырены, стоит, пытаюсь сразу все ощутить вместе: почву под ногами, стволы деревьев, воздух, звуки, переплетения черных ветвей и темное небо между ними. В редкие мгновения, казалось что ему удалось стать частью леса... Но это быстро проходило.

Лекур был счастлив, он обрел себя не земле. Конечно, он изредка вспоминал о женщинах в табачной бригаде, он их жалел и если бы мог, всех их сделал бы табунщиками, но откуда достать столько лошадей?

* * *

На рассвете Лекур погнал лошадей в аул. Густой туман стоит над землей, в десяти метрах от себя он с трудом различает крупы впереди идущих лошадей, абекуш идет крайней слева, он всегда знает, где она находится. Лекур присвистывает. Вот в такую пору, наверное, раньше рыцари нападали. Табун замыкаю я, значит, рыцарь должен отбивать лошадей у того, кто впереди табуна, а я один, он будет драться со мной!.. Лекур поднял женские покатые плечи и крепче ухватил коня ногами по бокам.

Лекур испуганно вздрогнул от резкого и испуганного ржания лошадей. Почему-то соскочил с коня и бросился туда, откуда раздались звуки. Он увидел, что передние кони разбегаются, вблизи опрокинувшегося мотоцикла с коляской лежат две лошади, пытающиеся встать на ноги. Лекур узнал в одной из них абекуш и чуть не вскрикнул от испуга. Абекуш пыталась встать, опираясь на передние ноги, мотала головой и часто и испуганно всхрапывала. Он подбежал к ней, и абекуш, увидев его, перестала дергаться, но от нестерпимой боли продолжала стонать утробными звуками. Лекур от сострадания беззвучно плакал и шептал: «Подожди, милая, не дергайся...

а-я-я-!.. что же это такое, а?» Он посмотрел по сторонам заплаканными глазами и сквозь пелену тумана увидел мужчину, который прыгал к нему на одной ноге, придерживая другую рукой.

— Это ты, скотина косолапая!.. Ах ты, отродье собачье! Я чуть не убился из-за тебя, урод!..

Лекур узнал заместителя председателя колхоза. Он с нескрываемым удивлением наблюдал за тем, как тот ковылял к своему мотоциклу, узнал и этот мотоцикл, старый, вечно ремонтируемый им, говорили, что от немцев остался, но в ауле никто никогда ничего подобного раньше не видел, и этот человек очень гордился им. Все это мелькнуло в голове Лекура в одну секунду, он смотрел на мужчину, не в состоянии думать ни о чем другом.

— Чего ты стоишь, собачий сын?! Ты чего стоишь, ы? Помоги поднять мотоцикл. Я тебя убью на этом месте, если с ним что-нибудь случилось! А ну помоги!

«О чем он говорит? Он что, сошел с ума?». Лекур приблизился к мужчине, он шел к нему, дрожа всем телом и продолжая плакать.

— Что ты сказал? — он притронулся кнутом к его спине, склоненной над мотоциклом.— Я спрашиваю — что ты сказал?

— Вот видишь, фара разбита, а что с крылом?

Лекур ничего не понимал. Абекуш лежит рядом, а этот возится с мотоциклом.

— Ей! — сказал Лекур дрожащим голосом. Потом крикнул неожиданно окрепшим голосом.— Эй! — Он схватил огромного мужчину в охапку, как моток шерсти и, роняя и снова поднимая его с земли, понес к абекуш.— Посмотри, что ты сделал с ней! Посмотри, говорю!.. Что ты натворил!? — Он стал хлестать его кнутом. Мужчина несколько раз вскакивал, что-то пытался сказать, но Лекур снова и снова сбивал его страшными ударами. Лекур был разъярен и бил заместителя жестоко и нещадно, он никогда никого не бил, ни людей, ни животных, а этого отделал от души. Он лежал у его ног только тихо скулил, как побитая собака.

...Нет, не побил Лекур мужчину кнутом. Он сидел над абекуш и тихо плакал. А мужчина продолжал ругать его, пытался поднять свой мотоцикл, просил его, крича и ругаясь, о помощи, бегал между ним и мотоциклом. А он сидел и плакал. И вдруг услышал звонкий топот копыт и поднял заплаканное лицо. К ним стремительно скакал Бечкан.

Страшен был вид Бечкана. Он разрывал туман своим бегом, грива его металась в воздухе, из ноздрей полыхал огонь, а из-под копыт взметались искры. Стало тихо, Бечкан бежал через проход, образованный лошадьми, от его звонкого и гневного ржания дрожали даже травы. «Вот он!» — сказал Лекур, дрожащей рукой показывая на мужчину. «Он виноват во всем!» «Тр-р-р! Тр-р-р!» — неуклюже размахивая руками, словно разгоняя кур, закричал мужчина. Но, увидев, что Бечкан продолжает бежать на него, быстро поднял мотоцикл, вскочил на него и поехал. Но разве можно было убежать от Бечкана! Он догнал его, перепрыгнул через мотоцикл и, развернувшись, передними ногами опрокинул его вместе с седлом. Мужчина вскочил и побежал, за ним скачет Бечкана, вот он догоняет его, и Лекур кричит, видя, что мужчина уже близко подбежал к высокому речному обрыву: «Остановись, Бечкан, ты его убьешь!» Но Бечкан трудно было уже остановить...

...Нет, Бечкан не прибежал к Лекуру на помощь. Он сидел над абекушем и плакал. Мужчина завел свой мотоцикл, оседлал его и отъехал, ругаясь и грозя ему. Лекур связал здоровые ноги абекуш и гнедого, разрезав свой аркан, а перебитые обмотал, разорвав свою ветхую рубаху. Потом побежал в аул и прислал Саню посторожить их, а сам позже вернулся с мужчинами на подводе, на которую погрузили искалеченных лошадей. Лекур попросил везти их прямо к Салиху.

Дело можно было замять, но на правлении, решили наказать заместителя председателя и тот взбеленился. Его мотоцикл, видите ли, стоит намного больше, чем весь этот нищий табун, и он заставит Лекура и Салиха расплатиться с ним. Дело осложнилось тем, что абекуш не была записана в колхоз, никто толком не знал, где и когда Салих приобрел ее, если бы он работал на ней, тогда еще можно было поискать и найти законы, чтобы забрать ее в колхоз, но абекуш никто никогда не видел ни под хомутом, ни на какой работе. Люди видели ее с Салихом в лесу, где-нибудь вдали на лугу, одни не обращали на них внимания, другие посмеивались, считая блажью заботы Салиха о лошади. Кто-то мог остановиться, увидев абекуш на солнечной поляне, полюбуется ею, забудется на минутку, потом пойдет дальше своей дорогой, тут же забывая о ней. Гнедой же был колхозным, за него могли спросить с заместителя, но как быть, если он подаст на Салиха, то- бишь на

абекуш, в суд? Заместитель доказывал, что без мотоцикла совхоз чуть ли не пропадет, кое-кто мог в это поверить, потому что он целыми днями носился на нем, поднимая пыль и пугая людей и птиц, ездил в район, поговаривали, что председатель больной и этот скоро заменит его.

Но нашлись и сторонники Салиха, никто официально не поддерживал его, многие чувствовали неправоту заместителя и говорили об этом в ауле, а слухи имеют большую силу. Заместитель тоже почувствовал это и написал жалобу в город. Но пришлось ему и всему аулу ждать еще целый месяц.

Салих лечил покалеченных лошадей сам. Он подвязал их к балкам в сарае, широкими кожаными ремнями обхватив в три круга их животы, здоровыми ногами они еле-еле доставали до земли, а покалеченные свободно висели. Лекур и Саня видели, как он каждый день, массирует им ноги, снимает бинты, мажет их какими-то растворами, а спустя три недели стал опускать лошадей ниже, так, что три ноги уже почти твердо стояли на земле, а больные уже упирались в пол. Прошел месяц, лошади были освобождены от ремней, и вскоре Салих стал выводить их на прогулку.

Вот в эти дни и приехал из Краснодара человек по жалобе заместителя, и они вдвоем появились во дворе у Салиха. Русский был одет в синие галифе, уже порядком потрепанные, на ногах были блестящие хромовые сапоги. Салих некоторое время равнодушно смотрел на него, но заметил, что этот человек много времени провел в седле. Лицо заместителя было строгим и неприступным.

— Старик,— начал заместитель суровым голосом.— Мы уже побывали у председателя, «делай с ними что хочешь», вот что он сказал. Теперь вот этот человек из города скажет, как он скажет, так и поступим. Гнедой, колхозная лошадь, и так бы скоро подохла, а твоя все время паслась на колхозных землях, никому пользы не принесла. Я ему все рассказал, мог бы потребовать, чтобы ты заплатил за мотоцикл, но что с тебя возьмешь? Поэтому мы договорились, что он отвезет лошадей в город на колбасу, а их стоимость мне выплатит на ремонт мотоцикла. Вот так.

Салих ничего не ответил. У русского было усталое лицо, он присел на крыльцо, достал из кармана кисет, скрутил сигарку, не глядя на руки, лизнул края бумаги привычным движением языка и прикурил. Несколько раз глубоко

затянувшись, он мельком взглянул на Салиха, прошелся усталыми глазами по двору. Вернулся из школы Саня, подошел к Салиху.

— Где лошади? — спросил русский, ни на кого не глядя.

— Он спрашивает: где лошади, не слышишь, что ли? — быстро сказал заместитель.

Саня посмотрел на Салиха, потом сказал на русском языке.

— Они в сарае.

— В сарае, говоришь? Пусть выведут. Они ведь уже здоровые?

Саня опять посмотрел на Салиха, пошел в сарай и вывел гнедого.

— А второй?

— Он спрашивает — где второй? — снова спросил заместитель.

— Нечего на него смотреть, — сказал Саня, глядя на Салиха.

Заместитель пошел к сараю, сердито что-то бормоча себе под нос, зашел туда и тут же выкатился оттуда кувырком. Он встал, кряхтя, и подошел к русскому, сердито обращаясь к нему.

— Сволочь какая, а? Она меня ударила головой!

— Головой, говоришь? — русский немного оживился, потом посмотрел на Салиха. — Отец, выведи свою лошадь... А чем же она будет бить, если у нее болит нога.

Салих молча встал, он вывел из сарая абекуша. Абекуш была грустна, но, увидев незнакомых людей, подобралась и встала ровно, подняв свою красивую голову.

— Зарезать надо эту паршивую скотину! — начал опять заместитель.

— Ну-ка не суетись, — оборвал его русский, встал, лицо его заметно изменилось, в глазах появилось любопытство. Он направился к абекуш, но Саня предупредил его.

— Не подходите близко, он, кроме дяди Салиха, никого не подпускает к себе.

— Понял тебя, сынок, — сказал русский, останавливаясь, — называй меня Никифором Савельичем, дядя Никифор. Ага... откуда взялась эта княжна, а? Твой дед ничего не скажет нам?

— Это дяди Салиха конь.

— Это я уже понял. — Он повернулся к Салиху. — Отец, откуда конь?

— Дядя Салих не разговаривает, немцы два раза убивали его. А абекуш он сам вырастил.

— А ты не хитришь парень? Чтобы вырастить такую лошадь, знаешь, сколько надо прожить?.. Какая красавица, ты только посмотри на нее! Надо шапку снимать перед таким конем, ноги ей надо целовать. А-я-я! — Никифор Савельич еще раз обратился к Салиху.— Скажи, отец, твой малец не хитрит, ты вырастил эту красавицу?

— Саня, спроси его, что он понимает в лошадях,— Салих повернулся к Сане, беззвучно шевеля губами.

— Я служил в кавалерии, и в Гражданскую войну, и в Отечественную. Я видел много лошадей, отец, но такой еще не встречал. Ты меня обрадовал, отец, не знаю даже, как тебе сказать.

— Саня, кажется, это хороший человек, может быть, поможет нам, скажи ему, что у нас есть еще жеребенок.

Саня сказал.

— Говоришь, и жеребенок от нее есть? А кто отец ему и где он?

Салих поднялся с места и направился к реке, он знал, что в такое время дня жеребенок приучен пастись вблизи реки — солнце стремилось к зениту, воздух наполнялся жарой.

Жеребенок пасся там, где предполагал найти его Салих. Шерсть его блестела на ярком солнце, он словно не чувствовал наступающую жару. Никифор Савельич, увидев его, остановился. «Ну и ну» — только это и сказал он. Заместитель присел в тени под ближним деревом. Саня стоял рядом с Салихом.

— Вот что я тебе скажу, отец. Я не знаю, кто и что ты за человек, откуда у тебя такие красавицы, но я тебе скажу, что твой председатель полный дурак, а этот, его зам... я и говорить о нем не хочу... Ах, какой красавец!.. И что ты собираешься желать, отец? Это бесценные кони, ты понимаешь это? Это государственной важности дело! Надо забрать их отсюда. Скажи ему об этом, малец.

— А он сам все понимает, ответил Саня.

— Ты меня понимаешь, отец? Тогда вот что я могу сделать для вас: я забираю жеребенка, вместо него привезу двух лошадей для колхоза.

— Нет,— сказал Саня, глядя на губы Салиха.— Лошадей никому не отдам. Лучше пусть колхоз поможет мне найти породистую кобылу для жеребенка.

— Да кто тебе поможет, вот этот, что ли? Показал он рукой на заместителя, потом повернулся к нему, и лицо его неожиданно стало грозным и сердитым.— Ты понимаешь хоть, что это за лошади, которых ты хочешь резать на колбасу? Мотоцикл!.. Да один этот жеребенок стоит всех мотоциклов на свете! Тьфу!.. Отец, прошу тебя Богом, отдай ты мне жеребенка!

Салих молча отправился домой. Никифор Савельич посмотрел ему вслед, взглянул еще раз на жеребенка, шумно выдохнул воздух, и лицо его опять стало старым и уставшим. Он постоял еще немного, потом повернулся к заместителю:

— Пошли... колбаса.

Бечкан и жеребец

Салих не отпускал жеребенка в табун. Днем он сам следил за ним, а ночью держал в сарае.

В один из последних летних дней Бечкан увидел за рекой с десяток чужих лошадей. Среди них выделялся рыжий жеребец в белых носках, с густой гривой, костистый и крупный. Он чувствовал себя хозяином, время от времени скидывал свою крупную голову и обводил взглядом лошадей, потряхивал гривой, внюхивался в воздух, и лошади послушно следовали за ним. Бечкан не мог отвести от него взгляда, потому что сразу невзлюбил его.

Бечкан стоял недвижно, зорким взглядом провожая табун. Он не мог понять причину мгновенно возникшей в нем неприязни к рыжему жеребцу. Может быть, он впервые почувствовал, что в его жизни есть нечто такое, что мешает ему ощущать себя свободным до конца, но, увидев табун и вместе с ними жеребца, он позавидовал им. Это ощущение еще не было определенным, но его сразу потянуло к лошадям. Ему еще не приходилось бывать в табуне, он знал только свою мать, Салиха, Саню, Лекура, чувствовал и понимал лес, воздух, травы, солнце, дожди. Что, кроме всего этого, он должен еще знать? Правда, с возрастом он стал более чуток к звукам, запахам. В первые год—два он воспринимал мать целиком — и тело ее, и голос, и запах — вместе с собой, с

своим телом и ощущениями своими. В редкие минуты, когда абекуш ложилась на землю, подгибая под себя передние ноги и чуть склоняясь набок, Бечкан укладывался с ней рядом и блаженствовал, ощущая и свое и материнское тела как одно целое. Теперь многое стало меняться. Стоя рядом с матерью, Бечкан иногда чувствовал незнакомые ему запахи, идущие от нее, одни из них по-прежнему притягивали его к ней, привычные и приятные, другие вызывали непонятные ощущения, раздражающие именно этой непонятностью. Ему нелегко было свыкнуться с мыслью, что между ними возникает какое-то отчуждение, что теперь мать часто забывает о нем, становится равнодушной, а порой и тяготится его назойливостью. В такие минуты Бечкан резко отходил от матери, мотая своей красивой, сухой головой и пускался вскачь. Успокоившись, он так же резко останавливался, высоко задирая голову, нюхал воздух и ржал, раздувая черные ноздри.

Абекуш, кажется, понимала, что происходит с сыном, и по-своему помогала ему. Она знала, что он стал взрослым, это видно было по его поведению, по тому, как он сам уже находил травы, как относился к ветру, дождю, к утру и вечеру и знала, что с каждым днем он все меньше стал нуждаться в ее помощи. Она дала ему полную свободу, а может, освободила себя и продолжала жить привычной жизнью. Не все ей нравилось в сыне, не все его повадки и привычки были ей понятны, но она теперь бессильна перед ними, да и незачем пытаться что-то изменить в жизни повзрослевшего Бечкана. Их отношения сейчас складывались как отношения двух давно уже знакомых друг другу существ.

Бечкан инстинктивно понимал, что в окружающем и понятном ему мире становится тесновато, силы и возможности, выросшие с течением времени, рождают новые желания и с ними все труднее совладать. Они тревожат его молодую кровь и будоражат силы, и он одинок теперь, никто не может помочь и не ищет ответа для него. И когда он впервые увидел лошадей, показалось, что он заглянул в иной мир, тот самый, что был скрыт от него и тревожил своей таинственностью.

Бечкан стал поджидать нового появления табуна. Спустя несколько дней лошади снова показались, и он снова почувствовал волнение в крови, только теперь более сильное и настойчивое, чем первый раз. Он ощутил дрожь в ногах,

а в груди стало тепло и тесно. Одновременно он показался себе сильным и легким, и радостное возбуждение охватило все его тело. Он постоял еще немного, раздувая ноздри и выкатывая смолянистые глаза. Потом: словно играючи, легко спустился с крутого берега, вошел в воду и, почти не промокая спину, держа свою сухую голову высоко над водой, переплыл реку, не останавливаясь, взбежал на противоположный берег, отряхнулся от воды и приостановился, настороженно вглядываясь в табун.

Лошади паслись близко. Свежий ветерок поддувавший с их стороны, доносил до него спокойное всхрапывание животных и запахи с близкого хутора. Но он отчетливо различал среди них запахи табуна, они казались ему незнакомыми, заставляли мучаться и испытывать неизвестное ему глубокое волнение.

Минуту спустя его до предела напрягшееся тело расслабилось, он словно не владел уже им, осталось лишь одно желание, толкавшее его вперед, к табуну, и он пошел, иногда опуская голову к траве, но не чувствуя и не видя ее. Он помнил сейчас, ощущал только запахи, кружившие ему голову, и видел, как бы через какую-то пелену, табун, в котором не мог еще различить отдельных лошадей.

Первым увидел его рыжий жеребец, который не издал никакого звука, только перестал пощипывать траву и повернул к нему свою голову, и все лошади почти одновременно повторили его движение. Жеребец, видать, имел крутой нрав, он сразу забеспокоился, громко и прерывисто всхрапнул, двинулся к Бечкану, потом повернулся к табуну, обежал его кругом и снова направился к непрошенному гостю.

В действиях Бечкана не было обдуманной цели, более того, он чувствовал за собой какую-то вину и осознавал, что переступает недозволенную грань, и это мешало ему сосредоточиться и принять определенное решение. Низко опустив голову, он обошел жеребца на расстоянии и приблизился к табуну с другой стороны, но лошади отпрянули и сучились. Жеребец быстро метнулся к нему, громко заржал, а Бечкан попытался сунуться в середину табуна. Лошади еще больше засуетились, испуганно всхрапывая и высоко поднимая головы, теснились друг к другу, собираясь в плотную группу.

Бечкан дрожал, он дрожал всем телом, расслабленным и ставшим сразу беспомощным, дрожал от сознания собственной вины, до конца не понимаемой им, стыдливо гнул шею к земле и готов был провалиться на месте — от своей беспомощности и невозможности отказаться от желания быть вместе с табуном. Он видел, что лошади в табуне не гонят его, а сторонятся лишь потому, что боятся рыжего жеребца, это укрепляло возникшую в нем с самого начала неприязнь к нему. Бечкан хотел в табун, не мог уйти отсюда, лишившись возможности разрушить впервые так ясно осознанное одиночество.

Рыжий жеребец громко заржал и бросился всей своей мощью прямо в середину табуна, за которым скрывался Бечкан, и, разбрасывая огромной грудью кобылиц, ринулся на него. Спустя мгновение Бечкан оказался перед разъяренным жеребцом, страшным в своем гневе и пылавшем от ярости. Глаза его готовы были выскочить из орбит, ноздри широко раздувались, издавая прерывистый и натужный храп, а широкая и глыбистая грудь надвигаясь огромной, неумолимой массой.

Странно, но Бечкан не испытывал страха. Оказавшись один против жеребца, он просто забыл о кобылицах, вернее, он ощущал их рядом, но какой-то отчужденной и неживой массой, с которыми его ничто еще не связывает. К нему вернулось обычное его состояние, к нему прибавилось только присутствие жеребца, к которому он должен был каким-то образом отнестись. Нет, он не испытывал страха. Солнце уже перевалило зенит, Бечкан чувствовал это левым боком, упругими ляжками, ощущение тела снова стало четким. Иногда набегал слабый ветерок, не разгонявший духоту, от него лениво вздрагивали ветви стоявших ближе к воде верб, травы, потерявшие в жару упругость, вяло никли к земле. Бечкан привычно ощущал свой мир, он еще не успел испытать страха ни перед человеком, ни перед себе подобными, из которых знал только свою мать. Она иногда бывала с ним строга, но Бечкан всегда осознавал, за что мать так относилась к нему. А поведение жеребца он не мог понять. Чтобы испугаться его, он должен был знать его силу в сравнении с своей, или в нем должен был победить стыд, но он не знал и не чувствовал ни того, ни другого.

Он не почувствовал страха и тогда, когда огромный жеребец оказался вплотную перед ним, он громко всхрапывал и стонал от бешенства, он сохранял

спокойствие и тогда, когда всем своим нутром понял его беспощадную ярость, ощущавшуюся даже в широко разверстой пасти, из которой дохнуло на него горячим утробным, удушливо-кисловатым запахом. Только удивился, впервые за всю жизнь, этой откровенной, беспричинной, как ему казалось, и безоглядной жестокости и весь подобрался, каждый мускул его напрягся, напружинил ноги, вскинул голову и коротко заржал. Но было поздно. Жеребец ударил его неловко, но тяжело и сильно грудью, повалил и стал топтать передними ногами. Но Бечкан уже знал, что делать, этому научила его природа, а силу и ловкость в нем развили абакуш и Салих. Он не торопился и суетливо не уклонялся от ударов жеребца, повернувшись к сопернику головой, напружинил ноги и, вложив в это отчаянное усилие все силы, встал. И когда жеребец вздыбился, чтобы добить его, ему хватило этого мгновения, чтобы быстро вскочить, забежать сбоку к жеребцу и, как учила этому мать, коротко и сильно ударить его в хребет передними зубами. Рыжий жеребец неуклюже всей своей массой повернулся к нему, но Бечкан уже успел забежать с правой стороны и снова нанес удар головой — один, два, три раза. Жеребец не успевал увертываться от ударов, громко, утробно всхрапывал сквозь стон и коротко ржал, кидался в разные стороны, широко разевал пасть, поднимался на дыбы, пытаясь обрушиться сверху на Бечкана, но тот всякий раз оказывался с самой удобной для него стороны и наносил новые удары, больно кусая его. Бечкан словно танцевал, в его явлениях не было ни слепой ярости, ни испуганной суматошности и если бы не неистовство рыжего жеребца, все это могло показаться жестокой, но все же игрой диких животных.

Кобылицы успели разбежаться и паслись спокойно в отдалении, они словно не обратили никакого внимания на эту схватку и не видели, как жеребец смешно покинул поле боя, так и не израсходовав всех своих сил, отбрыкиваясь задними ногами от Бечкана, который спокойно глядел ему вслед. Он не стал преследовать его, сделал несколько кругов на месте схватки, остановился, посмотрел вслед рыжему жеребцу и громко и коротко заржал, словно призывал его к новому бою. А тот покинул лощину, не приближаясь к кобылам. Бечкан, уже успокоившийся, направился размеренным шагом к берегу, только иногда низко опускал голову и встряхивал густой гривой и держал хвост на отлете.

Переплыв реку, он быстро и резко поднялся на свой берег и, не оборачиваясь, направился к лесу, за которым находился дом Салиха. Он не испытывал никаких чувств ни от победы, ни от избавления от опасности. Может быть, позже ему вспомнится все в деталях ему было немного не по себе, потому что он в чем-то, виноват и не в состоянии объяснить, откуда в нем чувство обиды.

Может быть, именно это ощущение вины и обиды заставило Бечкана раньше времени вернуться домой. Салих сидел, доканчивая седло, оставалось только приладить подседельную подушечку. В год Салих изготавливал два—три седла и с десятков колес без металлических частей для телег, за них ему привозили из колхоза пшеничную и кукурузную муку, картошку, подсолнечное масло.

Бечкан не пошел в сарай, остановился недалеко от Салиха, мотнул головой и несколько раз коротко всхрапнул. Салих посмотрел на него, встал и подошел ближе. Бечкан внешне выглядел спокойным, но Салих не мог не заметить то, что только он и способен был увидеть в нем: с ним произошла какая-то важная перемена, конь ощущает это, но не понимает, и это тревожит его, он вслушивается в себя, пытается осмыслить себя нового. Между человеком и им может возникнуть впервые непонимание, есть ведь в жизни Бечкана и такое, что до конца может остаться не понятым даже Салихом, в сущности, самые важные решения в своей судьбе принимают сами животные, хотя многие люди думают, что они-то и решают все за них. Салих это понимал, для него важно было убедиться, что Бечкан сам перешел какую-то грань, может быть, слишком рано, но все равно такое должно было случиться, и будет еще случаться с ним много раз.

Салих отошел от Бечкана и на некотором отдалении снова внимательно оглядел его. Да, он за этот день возмужал, в осанке появилась настороженность, возможно, это постоянная готовность к самозащите, но только не страх. Он, понял, что теперь часто будет внушать себя и одиноким, одним из множества того, что видит и слышит. Он отвечает за себя. Его все любили, теперь все должны его признавать и принимать. Хорошо, что это не пугает его, просто не понимает до конца, хотя внутренне с этим уже согласился и сейчас хочет что-то услышать от меня, потом, может быть, пойдет еще и к матери. Все хорошо. Ты

стал еще красивее, немного потеряв в свободной расслабленности тела, но обретя упругую жесткую грациозность. Нет, не жесткая, а суровая, точнее, строгая грациозность. Но как же ты красив! Вот ты стоишь, и мне кажется, что рожден стоять, стоять на земле всеми четырьмя ногами, как что-то такое, что нельзя оторвать ни от чего. Если ты сдвинешься с места, на мгновение покажется, что в этом месте, где ты находился, образовалась пустота. Ты красив и под солнцем, под ветром и под дождем. Ты похож на сильное и ровное пламя, на майский теплый, молодой и звонкий дождь, на молодое и крепкое деревце под этим дождем, гибкое под ветром и светящееся под лучами освободившихся небес. Ты похож на людей, на тех, кого я люблю и жалею.

И еще ты похож на мощную струю, свободно льющуюся, сверкающую всеми цветами радуги.

Что я могу сделать для тебя, красивое и беспорочное существо? Да и смогу ли что-либо сделать? Я вырастил и воспитал тебя, а дальше что? Твоих предков унесли ветры земли и жаркие лучи. Совладаешь ли с миром, в котором родился, станешь ли новым семенем, или сгинешь бесследно, как и я, живущий один, со своими мечтами? Мы не вольны над силами земли и неба, но разве они не обеднеют, однажды потеряв тебя, в кого они вложили лучшие соки и свет небес? Кого обвинят тогда люди — не меня ли?

Салих вспомнил недавний разговор с Лекуром. Лекур сидел с закатанными по колено штанинами на траве перед крыльцом, не обращая внимания на полыхающее солнце. Салих уже говорил ему, что некрасиво взрослому человеку так носить одежду, но Лекур, согласившись с ним, на второй же день забыл об этом. «Привычка сирот» — сказал про себя Салих и не стал больше приставать к нему.

— Красивый стал,— сказал тогда Лекур, глядя на Бечкана на краю леса шагах в трехстах от них.

Салих потер икры своих ног, подтянул шерстяные носки.

— Какой-то беспокойный стал,— продолжал Лекур.— Про свою мать часто забывает. Салих, что ты собираешься с ним делать? Такую красоту в телегу запрягать не станешь, а в скакуны ты вроде и не собираешься готовить.

Салих посмотрел на него так, словно собирался спросить: а с тобой, что мы будем делать? Потом ввернулся в сторону Бечкана.

— Я потому спрашиваю, что он и меня с Саней уже редко подпускает к себе. Мы же не чужие ему.

Саня вернулся из школы, положил книги на веранду и сел рядом с Салихом, заглядывая ему в лицо. Салих молча смотрел на Бечкана. Саня встал, набрал воду из колодца, поставил медный тазик к ногам Салиха, наполнил его водой наполовину. Салих посмотрел на Лекура, и сняв носки поставил ноги в холодную воду.

— Ты не жалеешь Бечкана... Да, тебе не жалко его! Он так и будет жить в одиночестве? Вон абекуш стала дурная, одиночество свело ее с ума!

Салих кашлянул. Саня повернулся к нему.

— Абекуш и я — разве нас не двое? — повторил Саня слова Салиха.

— Ты, Салих, человек, а абекуш — лошадь. Лошади нужна лошадь, разве я не прав? А с кем будет Бечкан?

Салих молчал.

— И Бечкан, и абекуш, знают только тебя и понимают только тебя. Но разве ты их воспитал только для себя? Абекуш превратилась в тень.— Лекур вспомнил о своих рисунках и невольно сравнил с ними нынешнюю абекуш.

Салиху стало больно от слов Лекура. Неправда это, подумал он, как может стать тенью лошадь, родившая Бечкана? А Лекур продолжал, все энергичнее жестикулируя своими короткими руками.

— Ходит и смотрит, как старуха. Будь она с лошадьми, разве бы она стала такой? А ей всего шестнадцать лет. А все из-за тебя!..

Последние слова вырвались у Лекура невольно, и он встал, покрутился на месте в ожидании резкого ответа от Салиха. Но тот был спокоен.

— А что вы предлагаете? — спросил он, впервые как бы приобщая Лекура и Саню к судьбе своих питомцев.— Что с ними делать? Отдать их в колхоз, чтобы их превратили в обычную скотину?

Лекур сказал:

— Разве нет на всем свете пары для Бечкана?

О абекуше он ничего не говорит, подумал Салих, он считает ее судьбу уже завершённой.

— У кабардинцев, черкесов, разве не найдется?

Отец абекуша был родом из знаменитой кабардинской породы. Но далекие предки ее давно покинули свою родину и вот уже более ста лет живут и множатся на нашей земле. Правда, эта порода широко не разрослась, их было всего, может быть, десятка три—четыре, но пять—шесть поколений успели сменить друг друга, они впитали в себя наши воды, питались нашими травами и злаками, дышали нашим воздухом. Все их нынешние достоинства — это результат труда наших мастеров, нашей земли и неба. Что понимает во всем этом Лекур? Надо укреплять себя там, где стоишь, а не мотаться по белому свету, тяня за собой сохнувшие корни. Если найти для Бечкана кобылицу из хорошей кабардинской породы, может быть, в нем окажется, достаточно собственных сил, чтобы продолжить свой род. Но кто поручится в этом? А если случится - победит чужая кровь? Пройдет столько-то лет, и вдруг, обнаружится, что порода абекуш исчезла в другой, потеряв и достоинства Бечкана. Тогда исчезнет бесследно Бечкан, волей Аллаха и взрастившей его земли ставший продолжателем уникальной породы.

Дурак ты, Лекур, головотяп! Разве людям сейчас до каких-то лошадиных пород? Они их в скотину обыкновенную превращают, уничтожая в них столетиями возвращенные качества. Как бы они сами тоже не оскотинились. Самцов кастрируют без разбора, оставляя на расплод самца покрупнее и поноровистее, хомуты делают, не зная даже, на чью они шею лягут, а кормят чем попало, лишь бы тянули телегу да плуг.

— Скажу председателю и съезжу в Кабарду и Черкесию, там поищу,— сказал Лекур.

Салих посмотрел на собиравшегося в Кабарду. Поезжай, сказал он себе, говорят, там дураков не хватает, пусть посмотрят на тебя. И представил себе, как Лекур ходит по Кабарде с закатанными брючинами, разговаривает с людьми, отчаянно жестикулируя обеими руками, коротыш, с детски наивным лицом, и ему стало грустно.

— Надо искать здесь,— сказал он.— Нужны председателю эти лошади из Кабарды... да хоть и сами кабардинцы!.. Надо искать здесь. Не приходят же кабардинцы к нам. Значит или у них уже нет этой породы, или им это и не нужно. Но это уже не мое дело, я сделал все, что мог. Теперь вы делайте, я многому научил вас, Бечкан — ваш.

Салих внимательно осмотрел Бечкана, пощупал копыта, попеременно заставляя его поднимать ноги. Бечкану уже больше четырех лет, надо хорошенько почистить копыта, обрезать лишнюю часть подошвы ног. Скажу ребятам, чтобы они каждый день загоняли его в быстрину реки, преодолевая силу течения по каменистому неровному дну, он сам укрепит мясистые части ног. Силы в нем много, но он вырос один, что не принято было у нас, и теперь нелегко предугадать, какие у него могут быть слабости. Возможно, это больше касается его характера. В первые недели две пусть Саня ездит на нем, Лекур будет помогать, Саня легкий, от излишней тяжести у Бечкана могут сломаться концы лопаток, спина прогнется, а шея станет кривой. Это заметят не все, но будет вредить лошади, и отразится на потомстве.

Салих прикрыл ладонями глаза Бечкану, затем резко отнял их. Бечкан быстро и одновременно сощурил глаза — значит, ничем не болеют. Заглянул в глаза — глубокие, кроткие, как у овцы, ясные, без характерных при болезнях глаз звездочек-крапинок.

Салих вспомнил немецкого офицера. Тот знал, сволочь такая, какими достоинствами обладает Бечкан, хотел улучшить кровь угасающей породы коней отца. Но разве для этого он трудился? От Бечкана должна пойти, новая ветвь знаменитой породы, это свежая ветвь, если ей помочь, она еще долго будет жить, развиваясь.

Салих пошел к реке, он знал, что Бечкан пойдет за ним. Дойдя до берега, спустился к реке, отыскал под кустами свой родник, достал из кармана старенький выцветший носовой платок, намочил его и вытер им лицо, шею и бритую голову. Тень упала к подножию берега, и он, подняв лицо, увидел Бечкана. Вторично намочив платок, Салих поднялся и вытер морду Бечкана. Тот даже не шелохнулся. Салих посмотрел туда, куда так настороженно всматривался Бечкан — на тот берег. Там, под старой вербой, стоял рыжий жеребец и смотрел на них. Чуть поодаль, правее от жеребца, пасся небольшой табун кобылиц. Ноздри Бечкана затрепетали, и из груди его вырвался короткий звук. Салих заметил, что Бечкан смотрел не на жеребца, а на кобылиц, и понял, что встреча, которой он опасался, состоялась, и Бечкан в ней победил. Но кобылицы его не приняли. «Надо и днями стреножить его,— подумал Салих,— теперь его трудно будет удержать, да и этот рыжий жеребец тоже не смирится с

участью побежденного. Бечкана он не одолест, но покалечить может — если не физически, то сердечно.

Бечкан губами прикоснулся к плечу Салиха, словно хотел спросить о чем-то. Нет, сказал про себя Салих, нет, они тебя не поймут, у тебя другая судьба. Пойдем домой.

Салих пошел к дому, а Бечкан еще некоторое время стоял на берегу, глядя, ему в спину, потом пошел следом за ним.

Перед сном Саня опросил Салиха:

— Дядя Салих, а Бечкан... какой-то беспокойный стал. Что с ним происходит?

— Абекуш тебя не интересуется? Почему не спрашиваешь о ней?

— Абекуш в табуне, я был у нее вечером.

— Знаю, что был, и что садился на нее — тоже знаю, на твоих брюках остались волосинки. Плохо чистишь ее, наверное.

— Да она сама захотела, чтобы я сел на нее, опустилась передо мной на землю. Я не долго. Мне показалась, она хотела испытать себя. Она и без меня побегала немного, прихрамывает еще на правую ногу.

Салих посмотрел на Саню. Ему понравились его слова.

— Ложись спать, завтра пойдем к председателю.

* * *

Председатель был пожилой мужчина, бывший фронтовик. Салих хорошо знал его и думал, что поймут друг друга.

— Салих? — сказал председатель, вставая им навстречу.— Заходи, садись. И мальчик с тобой? Большой стал, молодец. Забыл, как тебя?.. Ну да, Саня. Садись и ты, Саня. Пропал бригадир, с утра не могу найти. А в поле табак пропадает, некому убирать, людей не хватает, вывозить тоже не успеваем, людей мало, быков, лошадей.

Салих сразу приступил к делу.

— Я к тебе по делу, Бечмиз.

— Кто же сейчас без дела ходит, Салих? Давай, говори о деле.

— Я по поводу своих лошадей, абекуша и Бечкана.

— Ну-ну, это хорошо, Салих, я тоже, признаться, хотел поговорить с тобой об этом.

— Абекуш о ней разговора не будет, она член моей семьи, что с нами будет, то и с ней. А Бечкан... У него должна быть другая судьба.

— От, от! — громко сказал председатель, но Салих прервал его.— Дай сказать... Саня, говори ему правильно.— Саня аккуратно передавал словами неслышимый шепот Салиха.— Род Бечкана не должен умереть вместе с нами, Бечмиз. Вот давай и подумаем: что делать с ним? Ты председатель, правишь аулом, действуешь от его имени, вот ты и скажи, как быть с Бечканом?

— Салих,— начал председатель, сделав серьезное лицо и стараясь говорить убедительно.— Я знаю, что тебе жилось нелегко.

— Я не о себе.

— Подожди, я скажу. Тебе было трудно вырастить абекуша, потом жеребенка, они для тебя — как дети. — Но выход один: отдай жеребенка в город. То же самое сказал тебе и специалист, приехавший из города. Там люди грамотные и условия есть, они устроят судьбу Бечкана.

— Нет, Бечкана я им не отдам, это мой ребенок. Пусть они там грамотные, но его они не поймут.

— Во-ви, как же не поймут, они же ученые, понимаешь?

— Ученые много знают, мало понимают. Бечкана мало даже понимать, его нужно любить. Эти ученые хорошо видят табуны, а отдельную лошадь плохо различают.

Председатель нервно встал и зашагал по кабинету.

— Салих, нам обещали двух, трех лошадей за твоего Бечкана, ты понимаешь, что это значит для нас? Две здоровые лошади могут вывезти с поля листья табака, собранные десятью... двадцатью женщинами!

— Бечмиз, я говорю не о двух—трех лошадях, а о целой породе. Вот нас двое, мы с тобой адыгейской породы, а в ауле еще несколько сотен, в других аулах тоже сотни тысячи. А Бечкан один, он тоже адыгейской породы, и мать его, и отец, кровь его не должна смешаться с чужой кровью, она должна соединиться с себе подобной. Если ты этого не понимаешь, тогда спроси у аула.

— Так что нам теперь делать с ним, носить, что ли, на руках должны? Для какой же надобности ты его растил, если не для аула? Здесь остались одни вдовы да несколько покалеченных мужчин. Кому нужен твой жеребец, я спрашиваю, если он нам не пригодится?

— Бечкан — не его жеребец, он всем принадлежит,— неожиданно сказал Саня, не глядя на губы Салиха.

— А если всем принадлежит, то пусть и трудится для всех: вывозит табак, сено, солому, дрова, пусть пашет и сеет! Разве земля перевернется от того, что один породистый жеребец будет работать на нас? Я говорю: аул, а вы — жеребец!

— Бечмиз, послушай меня,— сказал Салих.— Надо послать человека в Кабарду. Или в Черкесию. Может быть, там остались лошади этой породы. Если остались, тогда надо привезти сюда хотя бы двух—трех лошадей. От них продолжится род, другого выхода я не знаю.

Председатель удивленно посмотрел на Салиха, вернулся на свое место и сказал уже совершенно безразличным и отрешенным голосом:

— В этом деле я тебе не помощник. Я говорю: аул голодает, а он Кабарда, Черкесия... Люди голодны, не обуты, не одеты, а он: кобыла, жеребец...

Салих встал и пошел к двери, Саня последовал за ним. Председатель крикнул им вслед:

— Мальчик, увидишь где бригадира, скажи, чтобы быстро пошел ко мне.

Саня ничего не ответил. Он думал о Салихе и знал, что ему сейчас трудно. Но, кажется, Саня ошибался. Салих был спокоен, после разговора с председателем он неожиданно почувствовал облегчение, ему стало ясно, что помощи ждать неоткуда. Только непонятно: почему все так безразличны к тому, что так беспокоит его, чему он посвятил жизнь? Он был уверен, что потеряв Бечкана, аул и колхоз чего-то очень важного безвозвратно лишатся. Почему они не хотят этого понять? Понимают же его Лекур и Саня. Правда, они молоды, живут сердцем... так я, наверное, о сердечном и говорю. Неужели в ауле все думают так же, как и председатель? Люди должны понимать, что быстрые ноги Бечкана — это их ноги — легкие, сильные, стремительные ноги наших предков, теперь только наши сердца могут быть такими. Разве можно уничтожить бег наших сердец, их полет? Да, это на земле неуничтожимо, но

может исчезнуть в наших сердцах. Ноги Бечкана рождены землей и для земли. Это и наши ноги. Глаза Бечкана — это и наши глаза: мягкие, кроткие, ясные, глубокие, они видят мир таким, каким он рожден в первый день творения с живыми и растущими, устремленными к добру и красоте, он не порочен, не разделен на большее и меньшее, на лучшее и худшее. Бечкан не думает: для меня воды текут, дожди идут, травы растут, он видит себя вместе с ними, он тоже течет, идет, растет, дышит, светит и весь мир со всеми звуками; цветами и светом тоже видит его, слышит и чувствует так же, как он его. Бечкан умен и имеет добрый характер. Все силы природа распределила в его организме гармонично, заранее увидев его вместе со всем, с чем и с кем он может оказаться рядом и в любом отстранении от них, и это удобно не только для него, но и для тех, с кем и где он пребывает, потому что ясно и четко изначально определяет формы и возможности его существования со всеми остальными в мире. Он может брать для себя столько, сколько нужно для сохранения того, что дала ему природа и ничего больше, и возвращать умноженным красотой, грациозностью, силой, верностью и добрым нравом. В нем постоянно существует все то, что мы теряем в течение трудного своего пути.

Разве Бечкан не нужен людям? Своим характером и умом, своим свободным и чистым сердцем он заставляет людей стремиться к добру, красоте, любви. Разве не любовь и верность сохраняют наши жизни на земле? Бечкан и сам один может побороться за себя, но если он лишится любви и понимания от человека, который развил в нем лучшие черты, которых не имеет сам, это изменило бы его характер, его доброта превратилась бы в жестокость, исчезли бы легкость и стремительность грациозного полета, даже сохранив скорость, гибкость приобрела бы резкую возвратность стальной пружины, а беды приучили бы к эгоизму. Но не такой судьбы для него хочет Салих. Все так просто, думал Салих, все очень просто, наедятся люди, кончатся беды, откроются глаза, залитые сейчас потом, и что они тогда увидят? Все сыты, все обуты и одеты, а в глазах пустота...

Дома Салих внезапно почувствовал себя плохо, в теле появилась слабость, руки вспотели. Наказав Сане до вечера присматривать за Бечканом, лег на старую деревянную кровать. Некоторое время спустя ему стало лучше, он

лежал тихо и отрешенно. В доме было тихо, со двора тоже не доносилось звуков. Почему так тихо, думал он, хотя долгие годы любил тишину и одиночество. Правда, одиноким никогда себя не чувствовал, а тишину всегда воспринимал как естественное состояние и собственное, и всего окружающего. А эта тишина другая, она ждет от тебя чего-то — слова или действия... И все предметы в комнате тоже в одиночку одиноки, не они покоятся в тишине, а тишина затаилась в каждом из них и ждет. Старенькая адыгейская печка с небольшой духовкой, два низеньких стула, сделанные им самим из дубовых, грубо отесанных досок еще лет десять назад, несколько оловянных тарелок над духовкой, рядом ведро с кружкой. Он почему-то вспомнил и о своем скромном имуществе во второй комнате: там шорные инструменты, недоделанное седло, топор, две тямки, лопата и еще кое-какая мелочь. В этой странной тишине особенно отчетливо виделся каждый предмет, и казалось, что если долго смотреть на что-либо одно, то оно задвигается и раздастся звук, который нарушит тишину. Тишина не угнетала его, только непонятно было, почему все вдруг обособилось, и он сам тоже как чужой в собственном доме и среди всего, с чем он жил долгие десятилетия, и еще впервые он подумал, что дом его стоит одиноко, вдали от аула. Он выстроил его один, когда ушел из дома отца, скоропостижно скончавшегося, а мать умерла еще раньше. В том доме осталась его сестра. Тогда ему было лет сорок. Получается, что более сорока лет он живет одиноко, только последние годы появился еще Саня. Да, отец абекуша и сама абекуш были с ним все эти годы. Лес, река, поля... Разве он для себя растил? Теперь и она одна. Вот Лекур и обвиняет его, мол, из-за него — кобыла пропадает. Такую же судьбу ждет и Бечкан. И родственников тоже не осталась, после умерла единственная сестра, жившая в отцовском доме.

Салих приподнялся и сел на кровати. Ему показалось, что если он пошевелится, то и предметы в доме «оживут», и тишина нарушится. Но все осталось по-прежнему, только раздался скрип кровати — но это был звук посторонний, не замечающий его, сам по себе, отчужденный от всего, он исчез, не слившись с окружающим. Можно было даже подумать, что это была сама тишина, притаившаяся в каждом предмете, в воздухе, неосторожно скрипнула, не выдержав напряжения. Это напомнило ему, как в юности он любил сравнивать звук копыт с другими звуками. Быстрый бег небольшого косяка в

поле был похож на что-то гончее, наверное, на торопливое и жадное горение кучки соломы или сухой травы на ветру, притягивающее и не отпускающее. Спокойный галоп всадника — это ровный огонь в очаге. Салих не любил скачки. Бешенный перестук копыт на скачках можно сравнить лишь с внезапно возникающим ветром или холодным, быстро налетающим дождем. Ему иногда не доставляло удовольствия наблюдать за тем, как несутся невесты за чем, выбираясь из последних сил, лошади, терзаемые всадниками. Он не видел здесь красоты. Это не тот бег, когда лошадь показывает всю свою красоту, силу, ее нельзя заставлять делать то, что нарушает естественную прелесть животного. Состязание не должно унижать, оскорблять достоинство и силу его участника, если он даже побежден, соперничество — это показ возможностей каждого, взаимоуважаемое соучастие в празднике, а не самоистязание... А бег Бечкана похож, на огонь в очаге, плотно, ровно и негасимо горящий, прибавляя потихоньку и усиливая свой жар. Бечкан создан не для скачек, хотя равного ему в этом вряд ли где найдется. Он может, не устав, обежать всю землю, он должен долго жить, опробовать все воды, все травы, все леса, дожди, дни и ночи.

Жар возобновился, и Салих снова лег. Он лежал, скорчившись, поджав ноги почти до самого подбородка, и согревался собственным теплом. Жар усиливался, но Салих мыслил ясно, вспоминая отрывочно, но очень четко следовали одно за другим, и он легко останавливал то из них, которое ему хотелось подольше и подробнее увидеть снова.

...Смех, неожиданный, звонкий смех рассыпался по росистой траве. Мальчику показалось, что что-то звенящее и светлое высыпали на траву, и оглянулся. Девочка в белом платьице без рукавов, гнала двух овец в центр аула, на площадь, где собирали по утрам отару, которую пас Салих. Солнце только что взошло. После обильного летнего ночного дождя земля сверкала. Небо чистое, ранее, но уже дышит теплом. Прыгая по лужам, девочка торопила овец. Он с удивлением смотрел на нее, словно она пришла из другого мира. Он сам озяб, хотя поверх рубашки накинул старенький пиджачок, пожертвованный кем-то из аульчан, и сон не до конца еще покинул его. А девочка будто и не спала, ей не было холодно, она радостно смеялась неизвестно чему, ничего вокруг не замечала, босоногая, на бегу отыскивала лужи в траве, прыгала по

ним и вода серебристыми брызгами разлеталась. Она глянула на молчаливо стоявших двух стариков и тихо рассмеялась, пробегает мимо чужих овец, что-то говорит им и смеется, обрызгала свои ноги и подол платяца и смеется, негромко, но так звонко и весело, что и тебе становится радостно. «Вот мои овцы!» — говорит она и улыбается, не может спокойно стоять на месте, пританцовывает, трясет косичками. Салих молча смотрит на нее. «Я пригнала наших овец, видишь, вон те, белые и кудрявенький барашек с ними, смотри же!» Но Салих молчит, и девочка, еще раз сверкнув на него глазами, бежит домой.

С того дня Салих не забывал о ней. В то утро он будто впервые по-настоящему увидел и траву, и лужи, и утреннее солнце. Даже сейчас ему на миг показалось, что если пройтись таким утром по траве, то снова зазвенит смех девочки, колокольчиками рассыпанный с дерева по земле и в воздухе, той самой девочки, которая упала в воды реки и утонула. Увидев ее, он невольно улыбался, и если она утром пригоняла овец, он весь день думал о ней.

Гибель девочки Салих воспринял тяжело и долго не мог понять и поверить в случившееся. Он потерял доверие к жизни, словно его обманул самый близкий друг. Почему именно она погибла и почему, не может же вот просто человек упасть в воду и утонуть? Разве никто в этом не виноват или никто не знает, почему такое может случиться? Салих не находил ответа и это усиливало в нем почти физически ощущаемую боль. Незаметно для самого себя он настолько привык к ней, что все, чем жил, связывал с ней и, потеряв ее, почувствовал вдруг пустоту, мир без нее потерял реальность, настоящими остались ее облик, смех и звенящая, светящаяся радость. Остальное потеряло свою убедительность, правдоподобие, он уже не доверял этому миру. Вся остальная жизнь его прошла для него так, словно не он жил, а кто-то другой, а он сам со стороны, безучастно наблюдал за ним. Так ему казалось.

Лес, река, лошади... Салих не отделял себя от них, с ними ему было хорошо, он и их понимал, и они его тоже понимали. Так он думал. Труднее было с людьми. Если ветер разбросает соломенную крышу, кого винить в случившемся? Нет ни на кого никакой обиды. А обида, нанесенная человеком, западает в душу и трудно предугадать, что может завтра натворить обиженный. Казалось бы, без особого труда можно и наесться, и обуть, одеть

себя, измеримы и желания сердца и ума человека, если человек здоров и его тоже можно понять. В каждом человеке есть желание делать добро. Таков каждый из нас, пока он один, сам с собой. Но странно, что когда мы вместе, наши желания начинают расходиться и верх берет не то, что является в нас носителем добра, и должно объединять, а то, что разъединяет. Хорошо бы каждому дать столько счастья, сколько каждый может вместить в себя, но как это сделать? Крыса свою нору делает больше, чем у мыши не потому, что ей нравится большая нора или ей хочется похвастать перед ней, а потому, что размеры этой норы соответствуют ее телу. Но это человеку не подходит.

Мир дан нам не для того, чтобы терзать и его, и себя, испытывать чужую и свою греховность, мир дан для того, чтобы уподобиться ему в лучших его проявлениях.

Салих думал, что он понимает этот мир, пока не соприкасался с людьми. Оказавшись среди людей, он начинал по другому воспринимать окружающее — каждому хочется больше, лучше, быстрее... Но откуда это взять и как распределить? И зачем — когда мир огромен и все уже в нем есть?

Саня придет и расстроится, увидев меня в постели, подумал Салих. Встал, дрожа от холода, взял одеяло и вышел. Солнце уже зашло, небо было тревожное, и земля прислушивалась к наступающей тишине. Войдя в лес, по тяжелому дыханию его Салих почувствовал, что будет ветер. Но воздух пропитывался влагой, ее еще не было, но Салих ощущал ее. Он нашел старый большой дуб, сел под ним и накинул на плечи одеяло. Скоро за рекой зашумело, лес радостно затрепетал, верхушки деревьев закачались, первые раскаты грома, еще без молний, возникли где-то снизу, в недрах земли, потом вдали заплескались быстрые вспышки, небо треснуло, расколосось, нагрянул ветер и сразу полил густой и сильный дождь. Порывистый ветер с остервенением метался по лесу, а Салих успокоился, прижался к стволу дуба, собрался в комочек и задремал.

Когда он очнулся, ветер был уже тише, но дождь стал сильнее, только он и был слышен вокруг в кромешной тьме.

Салиху захотелось воды, во рту было сухо, он весь дрожал и думал только об одном — напиться воды. До заветного родника было недалеко, и он встал и направился к реке. Промокшее насквозь одеяло он снял с плеч, свернул и

положил под деревом. Еще издали, услышав шум реки, понял, что вода подбирается к берегу. Наверное, в горах идут большие дожди, это воды с гор взбаламутили речку.

Салих с трудом спустился с берега — всего метра два оставалось до воды, она уже накрыла его родничок, видны были только верхушки молодых верб, выросших на склоне берега над ним. Родник погиб, сказал он себе, в этом месте река делает небольшой поворот, напор воды подмывает берег и уничтожит родник.

Салих забыл о жажде, мелькнула мысль: Лекур и Саня пили из родника? Наверное, нет. Надо было показать им... Хотя это, наверное, к лучшему. Погиб родничок — это моя собственная беда, он хранил мою тайну, мое счастье, мое горе. К тому же в нем погибли эти парни, дезертиры... Надо идти домой.

Салих не знал, почему он решил идти домой. Жар возобновился, и ему снова захотелось в постель. Но, добравшись до дома, переоделся в все сухое и пошел к сараю. Абекуш спокойно повернула к нему свою голову. Он надел на нее уздечку и вывел из сарая, Бечкан последовал за ними. Дождь почти перестал, слабые струйки его блестели под спокойным лунным светом, ветер улегся.

Нас не понял аул, но мир большой, найдутся и такие, кто поймет нас, думал Салих, с трудом передвигая ноги, слабеющие с каждой минутой. Не может такого быть, чтобы нас никто не понял.

Опираясь на шею абекуша, Салих спустился с берега. На Бечкана он не оглянулся.

* * *

Саню и Лекур дождь задержал на сенокосе. Промокшие до ниток и озябшие, они обогрелись и обсушились у Некура. Было очень темно, и Лекур решил проводить его. В доме Салиха было пусто, у печки лежала мокрая одежда старика. Ни слова не говоря, они побежали в сарай, но и там не было ни Салиха, ни лошадей. Пусто было и во дворе. После дождя в наступившей тишине, казалось, можно было услышать сытное дыхание земли. Почему-то

только сейчас они четко слышали шум реки. Вдруг раздалось звонкое ржание. «Это Бечкан!» — вскрикнул Саня и побежал к реке. Лекур устремился за ним.

Последние тучи покинули небо, и стало светло. Фигура Бечкана на берегу четко выделялась на фоне ярко освещенного луной неба. Он весь был устремлен вперед, казалось, сейчас сорвется с места и полетит вниз. Бечкан поскакал по берегу, снова остановился, как вкопанный, и коротко и надрывно заржал.

— Быстрее! — закричал, подбежавший Лекур, и они опять побежали к берегу.

Над бурлящей поверхностью грязной воды они сначала увидели шапку Салиха, потом уже голову абekuш. Ей было трудно и не по силам уже бороться с бурным течением, она тяжело всхрапывала, таща за собой державшегося за ее гриву Салиха. Было очевидно, что середину реки, где вода неслась яростно, она не сможет преодолеть.

Когда Саня с Лекуром подбежали к берегу, Бечкан заржал во всю мощь своих легких и Салих обернулся. Он понял, что Бечкан не пошел за ними в воду, закричал со стоном, отпустил гриву абekuша и сделал движение назад, но вода закружила его и накрыла с головой. Саня рыдал сквозь слезы, обхватив шею Бечкана, и что-то ласковое шептал ему в ухо, стараясь удержать его, дрожавшего всем телом, на высоком берегу.

Когда Салих отпустил гриву абekuша, она заволновалась и сделала к нему рывок, тяжело всхрапывая, и на какое-то время смогла удержаться на месте. Саня увидел, как вынырнул Салих и снова ухватился за гриву абekuша, но было уже поздно. Абekuш была слаба после болезни. Коротких мгновений хватило стихии, чтобы увлечь их за собой в стремительном потоке. Прошло еще одно мгновение, и Салих с абekuшем исчезли с поверхности воды и уже больше не показались.

Лекур достиг поворота реки, того самого места, где ушли под воду Салих и абekuш, но он не мог совладать с течением и плыл близко к берегу. На самом повороте яростное течение снова прижало его к берегу и, совсем обессиленного, оставила на маленьком кусочке тверди. Он плакал и впервые в своей жизни громко матерился грязными словами, проклиная и лошадей, и Салиха, и самого себя. Он плакал, впиваясь ногтями в этот кусочек земли,

размываемый водой, отплевывал грязную воду и жижу. Саня сполз к нему с берега и пытался оторвать его голову от жидкой грязи, но он ничего не замечал. А вода прибывала, набирая ширину и силу и продолжала окатывать Саню и Лекура, лежавших под берегом, холодными волнами. Вдруг они услышали над собой топот копыт и звонкий призывный голос Бечкана.

Он стоял над ними на берегу с высоко поднятой головой и его четкий силуэт, вся его устремленная вперед красивая фигура ясно вырисовывалась на фоне чистого ночного неба. Он смотрел не вслед утекающей воде, а через речку, в сторону другого берега, вдаль, где уже ничего нельзя было различить.

Переведена в 2002 г.